

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

*Сборник
рассказов*

ШКОЛЬНЫЕ "ПРИКОЛЫ"

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Сборник рассказов и стихов

ШКОЛЬНЫЕ "ПРИКОЛЫ"

Художник
Теннадий Соколов

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВ

ТАНЯ + САША

Одна девочка по имени Таня полюбила своего одноклассника Сашу.

С того же дня Таня стала называть Сашу не иначе как дураком и при каждом его появлении усердно крутила пальцем у виска.

Трижды за переменку Таня швыряла в Сашу мокрой тряпкой и однажды попала.

Вечерами, гуляя с собакой, Таня из автомата звонила Саше домой и противно хрюкала в трубку.

А самой большой Таниной удачей стал урок физкультуры, когда она тайком пробралась к мальчишкам в раздевалку, отыскала Сашины брюки и связала штанины таким замысловатым узлом, что Саша развязывал потом этот узел в течение трёх оставшихся уроков – математики, физики и русского языка.

Но это ещё не всё.

Мальчик Саша в свою очередь по уши влюбился в од-

ноклассницу Таню, которая называла его не иначе как дураком.

В ответ Саша всегда швырял в Таню мокрой тряпкой и всегда попадал.

На стене в Танином подъезде Саша крупно и коряво написал: «Танька МЕ-Е-Е», забыл поставить запятую, но зато пририсовал длинный змеиный язык.

Но самая большая Сашина удача в другом. Однажды он купил на птичьем рынке большую противную крысу, принёс её незаметно в школу и посадил Тане в портфель.

К чести Саши следует заметить, что дома он предварительно вымыл эту крысу с шампунем и вытер её чистым полотенцем.

ВОТ ЧТО ДЕЛАЕТ С ЛЮДЬМИ ЛЮБОВЬ!

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Перед началом урока в спортивный зал заглянул Мишка Пёрышкин, ученик 7-го «Б».

Алексей Алексеевич, учитель физкультуры, раскладывал возле дальней стены кожаные маты, для прыжков в длину.

– Какой у нас сейчас мировой рекорд? – без предисловий спросил Пёрышкин.

– Нормальный рекорд, больше восьми метров, – ответил Алексей Алексеевич.

Мишка Пёрышкин вошёл, молча отмерил шагами метров двенадцать, коротко разбежался и прыгнул в длину.

– Ну, как? – спросил он, поднимаясь с мата.

– Неплохо, – согласился Алексей Алексеевич. – Мировой рекорд побит.

Ученик Пёрышкин огляделся по сторонам и спросил:

– В высоту, надеюсь, больше трёх метров никто ещё без шеста не прыгал?

– Двух с половиной, – успокоил Мишку учитель физкультуры. – Прыгнешь?

– Запросто!

Мишка установил планку на полметра выше мирового рекорда, коротко разбежался – и легко взял высоту.

– Неплохо, – согласился Алексей Алексеевич. И ничего больше не сказал.

Мишка Пёрышкин решил помочь учителю.

– Ещё бег на сто метров... – начал подсказывать он. – Тяжёлая атлетика... Конная выездка...

Алексей Алексеевич, наконец, понял.

– Намекаешь, что тебе уже не обязательно посещать уроки физкультуры?.. – цокнул он языком.

Ученик Пёрышкин смущённо потупился.

– Знаю я эти ваши фокусы! – досадливо махнул рукой Алексей Алексеевич. – Придумал бы что-нибудь поинтереснее!

И зычно скомандовал:

– А ну, марш переодеваться!

Падал первый, ещё не зимний снег.

Он скоро растает, но мальчишки во дворе уже лепили снежную бабу.

Я забрал из школы дочь, мы шли с ней, взявшись за руки, и болтали о разных пустяках.

– Пап, – спросила вдруг Танюха как бы между прочим. – Ты смог бы слепить снежок и добросить его до нашего окна?

Мы живём на шестом этаже. Я задумался. Наверное, добросил бы, но кто его знает... Хвастать и уж тем более врать не хотелось. Я пожал плечами.

– А вот Коржиков запросто добросит! – с какой-то непонятной гордостью сообщила мне дочь.

– Кто такой?

Мальчишки, которые лепили снеговика, толкали перед собой последний ком, за комом оставался чёрный петляющий след с пожухлыми торчащими травинками.

– Коржиков – это очень знаменитый человек, – объяснила Таня. – Новенький. В нашем 2-м «Б»...

Во 2-м «Б» классе все люди были знаменитыми и просто замечательными, и потому я решил уточнить, чем же знаменит именно этот доселе неведомый мне Коржиков.

Выяснилось вот что. Когда ни один человек в школе не смог ответить, как кричит кенгуру, и учительница Людмила Александровна тоже этого не знала, и даже директор, который вообще всё на свете обо всём знает, тот тоже не смог объяснить, как кричит кенгуру, ведь только отважный Коржиков не растерялся, и теперь вся школа умеет кричать, будто стадо перепуганных кенгуру. Но это ещё далеко не главное.

Выяснилось, что вовсе даже не стоит бояться, если из лесу вдруг выбегут динозавры и все соберутся на школьном дворе. Потому что навстречу им храбро выйдет кто?..

– Коржиков... – робко предположил я. – Он разгонит всех динозавров хворостиной и восстановит порядок?

– Всего нет! – рассмеялась моя дочь. – То есть выйдет Коржиков, конечно, правильно! Только он никаких динозавров палкой гонять не станет, он их приручит!

Выяснилось, что первый правильный шаг в этом направлении Коржиков уже сделал. Он подобрал в подъезде бездомного котёнка, принёс его к себе и теперь воспитывает. Чтобы котёнку было совсем хорошо, Коржиков дома никогда не кричит, как кенгуру, даже, наоборот, иногда негромко мяукает, и котёнок думает, будто Коржиков – его мама. А коржиковские родители, получается, для котёнка бабушка и дедушка. И очень жаль, что у Коржакова совсем нет братьев или сестёр, а то бы котёнку повезло совсем сказочно. У него появились бы родные тётя и дядя.

– Молодец, Коржиков, – согласился я.

– Знаешь, папа, на кого он похож, этот Коржиков? – спросила дочь и сама же немедленно ответила. – На тебя, когда ты был маленьким! Я тебя маленького таким как раз и представляю!

Снежная баба у нас во дворе была готова, мальчишки затащили последний рыхлый ком наверх, на два других. Вот и голова на месте.

– Понятно, – сказал я. – Очень даже может быть.

Вечером, когда Танюшка уже уснула, я вышел прогулять нашего пса.

Снег ещё лежал, не успел за день растаять.

Я слепил плотный снежок, оглянулся по сторонам – не видит ли кто? – и со всей силой залепил снежком в окно нашей кухни на шестом этаже. И негромко крикнул бегомотом, когда попал. Завтра к нам должен прийти Коржиков. Его Танюха пригласила в гости. Не опростоволоситься бы...

НЕПОСЛУШНЫЕ ЦЫПЛЯТА

На уроке музыки Глафира Петровна строго сказала:

– Дети! Сегодня я вам продиктую новую песню. А вы записывайте всё очень тщательно, не пропуская ни единого словечка! Итак, начали! «Цып, цып, мои цыплятки...»

А в это время Петька Редькин решил пощекотать Владика Гусева. Владик взвизгнул и подпрыгнул. А Петька захихикал.

– Как вы себя ведёте? Безобразники! – рассердилась Глафира Петровна. – Вы у меня дождётесь! – И продолжала: «Цып, цып, мои касатки, вы – пушистые комочки...»

А в это время Владик Гусев решил дать сдачи Петьке Редькину. И тоже его пощекотал. И теперь уже Петька взвизгнул и подпрыгнул. Глафира Петровна рассердилась ещё больше и крикнула:

– Совсем обнаглели! Распустились! Если не исправи-

тешь, то ничего хорошего из вас не получится! Только хулиганы и бандиты! Срочно подумайте над своим поведением!

И стала дальше диктовать про цыплят.

А Петька Редькин подумал-подумал над своим поведением и решил его исправить. То есть перестал щекотать Владика и просто выдернул у него из-под носа тетрадку. Они начали тянуть несчастную тетрадку каждый к себе, и она в конце концов разорвалась. А Петька и Владик с грохотом свалились со стульев.

Тут терпение Глафиры Петровны лопнуло.

– Вон отсюда! Негодники! – закричала она страшным голосом. – И чтоб завтра же привели родителей!

Петька с Владиком чинно удалились. Глафире Петровне больше никто не мешал. Но она уже не могла успокоиться и всё повторяла:

– Накажу! Ух, накажу негодников! Надолго запомнят!

Наконец мы дописали песню, и Глафира Петровна сказала:

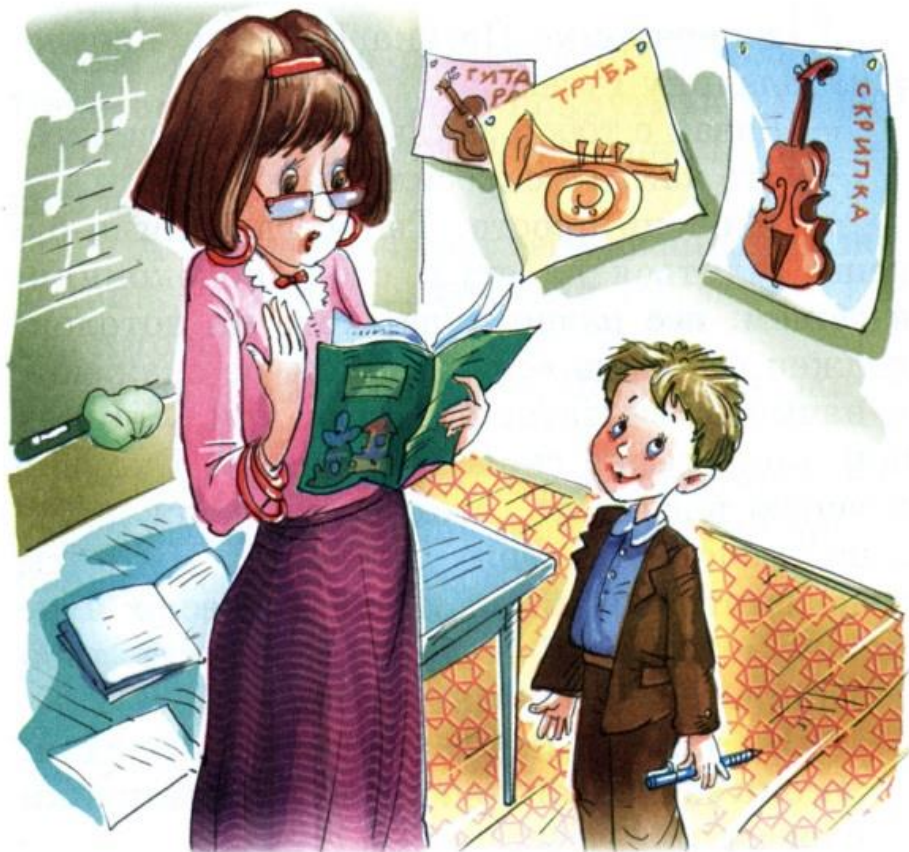
– Вот Ручкин сегодня хорошо себя ведёт. И слова, наверное, все записал.

Она взяла мою тетрадь. И стала вслух читать. И лицо у неё постепенно вытягивалось, а глаза округлялись:

«Цып, цып, мои цыплятки, я вас накажу, вы у меня дождётесь! Цып, цып, мои касатки! Безобразники, как вы себя ведёте? Вы, пушистые комочки, совсем обнаглели! Мои будущие квочки! Из таких, как вы, вырастают бандиты и хулиганы! Подойдите же выпить и подумайте над своим поведением! Дам вам зёрен и водицы, и чтоб завтра же привели родителей! Ух, накажу этих негодников! Надолго запомнят!»

...Класс захлёбывался и всхлипывал от смеха. Но Глафира Петровна и не улыбнулась.

– Та-ак, Ручкин, – произнесла она металлическим голосом. – За урок тебе – двойка. И чтоб без родителей ты в школу не являлся!

...Ну за что, спрашивается, двойка? За что родителей в школу? Я же записывал всё, как просила Глафира Петровна! Ни словечка не пропустил!

ДЕЛО ЧЕСТИ

На переменке Петька Редькин предложил Владiku Гусеву:

– Давай с тобой заключимся на «сизу»!

– Это как? – спросил Владик.

– А очень просто. Ты всегда, когда будешь садиться на стул, стол, подоконник, в общем, всё равно куда, хоть на потолок, должен говорить «сизу». Если не скажешь, я начинаю считать: раз, два, три... до тех пор, пока ты не скажешь «сизу». Сколько я успею насчитать, столько ты должен будешь исполнить моих желаний. Ну а ты тоже

смотри за мной и считай, если я не скажу «сизжу». И я буду исполнять твои желания. Это очень интересно!

– Ну ладно, давай, – согласился Владик.

И они потрясли друг друга за мизинчики со словами:

Скажу, скажу, скажу,
Сизжу, сизжу, сизжу,
Не скажешь мне «сизжу»,
Исполнишь, что скажу!

– Ну всё, – провозгласил Петька, – заключились!

Прозвенел звонок, ребята побежали в класс. Владик уселся на своё место, начал доставать тетради и учебники. И вдруг до него донёсся быстрый шёпот: «десять, одиннадцать...» Он тут же вспомнил, что не сказал заветное слово, и как закричит Петьке:

– Сизжу!

Все удивлённо посмотрели на Владика. Некоторые ребята даже покрутили пальцем у виска. Хорошо, что учительница ещё не вошла в класс.

– А я уже насчитал тебе двенадцать желаний! – ехидно захихикал Петька. – Так что готовься.

Когда урок закончился, Петька, фыркнув, заявил Владиду:

– Вот, значит, моё первое желание. Подойди к Катьке Плюшкиной и пропой приятным голосом, с чувством:

Свет мой, Плюшечка, скажи,
Да всю правду доложи,
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?

– Да ты что, Петька! – ужаснулся Владик. – Меня же засмеют все! Не стану я это делать! Придумай лучше другое желание!

– Нет уж, – настаивал Петька, – такое моё желание. Выполняй! А то получится нечестно!

Владик понял, что влип в дурацкую историю. Как он себя ругал, что попался на удочку с этим «сизжу»! Но теперь ничего не поделаешь слово есть слово. Владик старался сдерживать своё слово и поступать честно.

Он собрался с духом, подошёл к Плюшке и пробурчал:

Свет мой, Плюшкина, скажи,
Да всю правду доложи,
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?

Плюшкина взглянула на бледного, хлипкого Владика и прыснула со смеху.

– Ты на свете всех дурнее! – еле выговорила она. – Со-
всем рехнулся!

Ребята вокруг тоже захохотали и спросили Владика:

– Ты чего это, Владька? Правда, рехнулся?

– Да не рехнулся я! – оправдывался Владик. – Это я
Петькино желание выполнял! Я ему проиграл.

А Петька, приплясывая от восторга, кричал ребятам:

– Ещё одиннадцать желаний! Вот умора-то! Вот пове-
селиться! Ха-ха-ха!

Прозвенел звонок. Владик сел за парту и тут же под-
скочил как ужаленный и завопил: «Сижу!»

– А я тебе ещё одно желание насчитал, – ткнул Петька
Владика ручкой в спину. – Так что опять двенадцать! Хи-
хи-хи! А сейчас сделай вот что.

И Петька зашептал Владиду своё задание...

В класс вошла учительница математики Алевтина Ва-
сильевна и сказала:

– Ребята! Как я вам обещала, сегодня будет контроль-
ная работа.

И тут поднял руку Владик.

– В чём дело, Гусев? – спросила учительница.

– Алевтина Васильевна! – запинаясь, промямлил Вла-
дик. – Давайте лучше пойдём в кино, фильмы ужасов
смотреть. Они вам понравятся! Они очень познаватель-
ные!

Класс захлебнулся от хохота.

– Да ты что, Владик, в своём уме? – изумилась Алевти-
на Васильевна. – Ты меня просто поразил! Гораздо силь-
нее любого фильма ужасов!

Владик, красный как рак, сел, потрясённый собствен-
ной дерзостью. Однако успел сказать «сижу». Второе же-
лание Петьки было исполнено. А Петька чувствовал себя
героем дня и победоносно поворачивался во все стороны,
делая ребятам знаки, что, мол, то ли ещё будет!

Алевтина Васильевна раздала всем задание, и кон-

трольная началась. Владик ещё не успел опомниться от своей выходки, а Петька уже опять толкал его в спину.

– Реши мне задачу и пример!

– Подожди, Петь! Я ещё со своей задачей не разобрался.

– Ну и что? Сам погибай, а товарища выручай. Поговорка есть такая. Знать надо. И моё желание выполняй. А то нечестно будет!

Владик вздохнул и принялся за Петькин вариант. Еле успел потом свою задачу решить.

Уроки закончились. Владик собрал портфель и вышел на улицу. Его догнал Петька.

– Подожди, Гусев! У меня ведь ещё десять желаний есть. Слушай мой план. Я хочу проучить Катьку Плюшкину. Уж очень она воображает в последнее время. Списывать не даёт. В общем, завтра принесёшь хороший мешок и поймашь Плюшкиного Кузьку. И будет у нас кот в мешке, – Петька хихикнул, – а Плюшка пусть побегает, поищет. Может, меньше воображать будет. А потом мы подкинем ей записку, чтобы несла килограмм конфет. И тогда получит Кузьку. Здорово?

– Я это делать не буду, – насупился Владик.

– Интересно, – медленно произнёс Петька, – ты дал слово, что, если проиграешь, станешь всё выполнять. Это дело чести – держать своё слово. Не сдержишь слово, значит, не будет у тебя чести. Береги, Гусев, честь смолоду! Поговорка такая есть. Знать надо. Раньше, между прочим, даже стрелялись, только чтоб честь была. Так что неси завтра мешок. А то я всем скажу, что ты врун и трепло.

Петька повернулся и побежал к своему дому. Владик медленно побрёл к себе. На душе у него скребли кошки. Точнее, это были не кошки, а только один котёнок, Кузька. Но скрёбся этот Кузька на душе у Владика изо всех сил, как дюжина здоровых котов, и приговаривал: «Почему это мы с Плюшкой должны страдать из-за твоей глупой

игры? Это ты проиграл Петьке его дурацкое желание! Вот и отдувайся как можешь. А мы-то при чём? Мяу! Мяу!»

И Владик опять ругал себя за то, что связался с Редькиным...

...На следующий день Петька спросил первым делом у Владика:

– Ну что, принёс мешок кота ловить?

– Нет, – ответил Владик.

– Это почему же? – возмутился Петька. – Ишь какой! А выполнять мои законные желания? Забыл, что ли, про дело чести?

– Нет, Петька, – спокойно сказал Владик, – не забыл. Просто так получается, что дело чести – это как раз НЕ выполнять твои желания. Очень уж ты вредный. Ну прямо не Редькин, а Вредькин какой-то. И можешь говорить про меня кому угодно что угодно.

Владик пошёл в класс. Он сел на своё место и тут же неожиданно для себя громко крикнул: «Сижу!» Все засмеялись. И Владик тоже. И на душе у него стало легко.

ЛЕКАРСТВО ОТ КОНТРОЛЬНОЙ

Классный выдался денёк! Уроки закончились рано, погода отличная. Мы ка-а-ак выскочили из школы! Ка-а-ак начали кидаться снежками, прыгать по сугробам и хохотать! Всю жизнь бы так веселился!

Вдруг Владик Гусев спохватился:

– Братцы! Завтра же контроша по математике! Готовиться нужно! – и, отряхиваясь от снега, поспешил к дому.

– Подумаешь, контроша! – Вовка швырнул снежок вслед Владiku и развалился на снегу. – Я предлагаю её пропустить!

– Как это? – не понял я.

– А вот так! – Вовка зачихнул в рот снег и широким жестом обвёл сугробы. – Вон сколько тут антиконтролина! Препарат сертифицирован! Лёгкая простуда на время контрольной гарантирована! Завтра поболеем – в школу не пойдём! Здорово?

– Здорово! – одобрил я и тоже принял противоконтрольного лекарства.

Потом мы ещё попрыгали по сугробам, слепили снеговика в виде нашего завуча Михаила Яковлевича, съели по дополнительной порции антиконтролинчика – для верности – и отправились по домам.

Утром я проснулся и сам себя не узнал. Одна щека стала раза в три толще другой, и при этом ужасно болел зуб. Ничего себе лёгкая простуда на один день!

– Ой, какой флюс! – Бабушка всплеснула руками, увидев меня. – Немедленно к врачу! Школа отменяется! Я позвоню учительнице.

В общем, противоконтрольное средство сработало безотказно. Это, конечно, меня порадовало. Но не совсем так, как хотелось бы. У кого хоть когда-нибудь болели зубы, кто попадал в руки к зубным врачам, тот меня поймёт. А доктор к тому же «утешил» напоследок:

– Зуб поболит ещё пару дней. Так что терпи и не забывай полоскать.

Вечером звоню Вовке:

– Как дела?

В трубке раздалось какое-то шипение. Я с трудом разобрал, что это Вовка отвечает:

– У меня голос пропал.

Разговора не получилось.

На следующий день, в субботу, зуб, как и было обещано, продолжал ныть. Каждый час бабушка давала мне лекарство, и я старательно полоскал рот. Болеть ещё и в воскресенье никак не входило в мои планы: мы с мамой собирались идти в цирк.

В воскресенье я вскочил чуть свет, чтоб не опоздать, но мама тут же испортила мне настроение:

– Никакого цирка! Сиди дома и полощи, чтоб к понедельнику выздороветь. Не пропускать же опять занятия – конец четверти!

Я – скорей к телефону, Вовке звонить:

– Твой антиконтролин, оказывается, ещё и антицирколин! Цирк из-за него отменился! Предупреждать надо!

– Он ещё и антикинол! – сипло подхватил Вовка. – Из-за него меня в кино не пустили! Кто же знал, что будет столько побочных действий!

– Думать надо! – возмутился я.

– Сам дурак! – отрезал он.

Короче говоря, мы совсем разругались и отправились полоскать: я – зуб, Вовка – горло.

В понедельник подхожу к школе и вижу: Вовка! Тоже, значит, подлечился.

– Как жизнь? – спрашиваю.

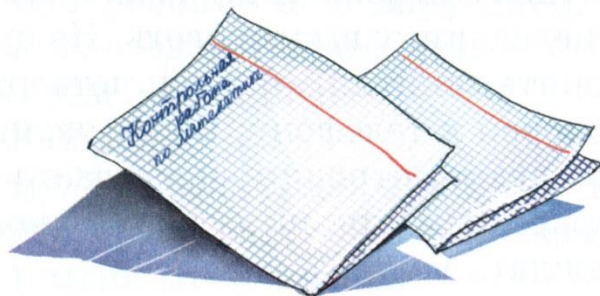
– Отлично! – хлопнул меня по плечу Вовка. – Главное, контрошу-то проболели!

Мы расхохотались и пошли в класс. Первый урок – математика.

– Ручкин и Семечкин! Выздоровели! – обрадовалась Алевтина Васильевна, – Очень хорошо! Скорее садитесь и доставайте чистые листочки. Сейчас будете писать контрольную работу, которую пропустили в пятницу. А мы пока займёмся проверкой домашнего задания.

Вот так номер! Антиконтролин оказался форменным обдурином!

Или, может, дело не в нём?

ЗВОНИТЕ, ВАМ СПОЮТ!

В воскресенье мы пили чай с вареньем и слушали радио. Как всегда в это время, радиослушатели в прямом эфире поздравляли своих друзей, родственников, начальников с днём рождения, днём свадьбы или ещё с чем-нибудь знаменательным; рассказывали, какие они расчудесные, и просили исполнить для этих прекрасных людей хорошие песни.

– Ещё один звонок! – в очередной раз ликующе провозгласил диктор. – Алло! Мы слушаем вас! Кого будем поздравлять?

И тут... Я ушам своим не поверил! Раздался голос моего одноклассника Владьки:

– Это говорит Владислав Николаевич Гусев! Поздравляю Владимира Петровича Ручкина, ученика четвёртого класса «Б»! Он получил пятёрку по математике! Первую в этой четверти! И вообще первую! Передайте для него лучшую песню!

– Замечательное поздравление! – восхитился диктор. – Мы присоединяемся к этим тёплым словам и желаем уважаемому Владимиру Петровичу, чтобы упомянутая пятёрка была не последней в его жизни! А сейчас – «Дважды два – четыре»!

Заиграла музыка, а я чуть чаем не поперхнулся. Шутка ли – в честь меня песню поют! Ведь Ручкин – это я! Да ещё и Владимир! Да ещё и Петрович! И вообще в четвёртом «Б» учусь! Всё совпадает! Всё, кроме пятёрки.

Никаких пятёрок я не получал. Никогда. А в дневнике у меня красовалось нечто прямо противоположное.

– Вовка! Неужели ты пятёрку получил?! – Мама выскочила из-за стола и бросилась меня обнимать-целовать. – Наконец-то! Я так мечтала об этом! Что же ты молчал? Скромный какой! А Владька-то – настоящий друг! Как за тебя радуется! Даже по радио поздравил! Пятёрочку надо отметить! Я испеку что-нибудь вкусное! – Мама тут же замесила тесто и начала лепить пирожки, весело напевая: – «Дважды два – четыре, дважды два – четыре».

Я хотел крикнуть, что Владик – не друг, а гад! Всё врёт! Никакой пятёрки не было! Но язык совершенно не поворачивался. Как я ни старался. Уж очень мама обрадо-

валась. Никогда не думал, что мамина радость так действует на мой язык!

– Молодец, сынок! – замахал газетой папа. – Покажи пятёрочку!

– У нас дневники собрали, – соврал я. – Может, завтра раздадут или послезавтра...

– Ну ладно! Когда раздадут, тогда и полюбуемся! И пойдём в цирк! А сейчас я сбегаяю за мороженым для всех нас!

Папа умчался, как вихрь, а я кинулся в комнату, к телефону. Трубку снял Владик.

– Привет! – хихикает. – Радио слушал?

– Ты что, совсем очумел? – зашипел я. – Родители тут голову потеряли из-за твоих дурацких шуток! А мне расхлёбывать! Где я им пятёрку возьму?

– Как это где? – серьёзно ответил Владик. – Завтра в школе. Приходи ко мне прямо сейчас уроки делать.

Скрипя зубами, я отправился к Владiku. А что мне ещё оставалось?..

В общем, целых два часа мы решали примеры, задачи... И всё это вместо моего любимого триллера «Арбузы-людоеды»! Кошмар! Ну, Владька, погоди!

На следующий день на уроке математики Алевтина Владимировна спросила:

– Кто хочет разобрать домашнее задание у доски?

Владик ткнул меня в бок. Я ойкнул и поднял руку. Первый раз в жизни.

– Ручкин? – удивилась Алевтина Владимировна. – Что ж, милости просим!

А потом... Потом случилось чудо. Я всё решил и объяснил правильно. И в моём дневнике заалела гордая пятёрка! Честное слово, я даже не представлял, что получать пятёрки так приятно! Кто не верит, пусть попробует...

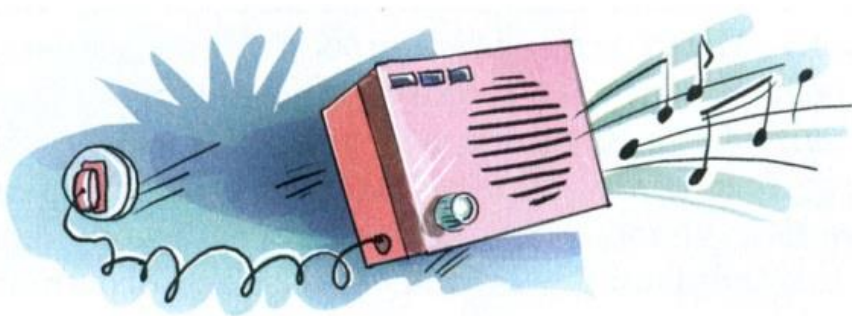
В воскресенье мы, как всегда, пили чай и слушали передачу «Звоните, вам споют». Вдруг радиоприёмник опять затараторил Владькиным голосом:

– Поздравляю Владимира Петровича Ручкина из четвёртого «Б» с пятёркой по русскому языку! Прошу передать для него лучшую песню!

Чего-о-о-о?! Только русского языка мне ещё не хватало! Я вздрогнул и с отчаянной надеждой посмотрел на маму – может, не расслышала. Но её глаза сияли.

– Какой же ты у меня умница! – счастливо улыбаясь, воскликнула мама.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Санька слушал, как учительница рассказывает про великого сказочника Андерсена, и думал: «Странная всё-таки эта Элиза из «Диких лебедей»! Почему она не написала записочку королю-жениху? Ей ведь только разговаривать нельзя было, когда она плела рубашки из крапивы. Вполне могла бы письменно объяснить, что, мол, так-то и так-то, братья заколдованы, я должна молчать. Доплету рубашки – расскажу подробности. И никаких проблем! А так – сплошная нервоотрёпка! И в результате один брат остался с лебединым крылом.

Или Русалочка. Голос ведьма у неё отняла. Но руки-то никуда не делись! Тоже могла бы черкнуть письмецо принцу. Он бы во всём разобрался и женился на ней с превеликим удовольствием! И жили бы они долго и счастливо!

Почему же обе страдалицы ничего не написали? Ответ

напрашивается один: не умели! А я, в отличие от них, умею писать! – Санька с превосходством посмотрел на Элизу и Русалочку, нарисованных на обложке «Сказок». И тут же задал вопрос непосредственно себе: – Так чего я тяну? Прямо сейчас и напишу Лене Кукиной всё, что хочу сказать!»

Дело в том, что «сказать» у Саньки никак не получалось. Ни слова не мог из себя выдать каждый раз, когда собирался поговорить с Леной. Как будто ненасытная ведьма его голос тоже забрала – к Русалочкиному в придачу! Пора, наконец, действовать!

Санька вырвал листок из тетрадки и старательно вывел:

**ЛЕНА! Я ТИБЯ ЛЮБЛЮ!
ДОВАЙ ДРУЖИТЬ!**

Затем аккуратно сложил послание и ткнул Кукину в спину – она сидела прямо перед Санькой.

Лена взяла записку, прочитала и захихикала:

– Напиши без ошибок! – и кинула на Санькину парту орфографический словарь.

Санька насупился: Элизин король и Русалочкин принц до потолка прыгали бы, получив хоть какие-нибудь каракули от своих немых красавиц! А тут...

Санька вздохнул и открыл словарь.

КТО НА КОГО ПОХОЖ

Учитель сказал нам:

– Каждый человек своим поведением напоминает какое-нибудь животное... Один ленивый, как, например, медведь. Другой попрыгунчик, как заяц. Попробуйте нарисовать своих мам и пап в виде симпатичных животных. Это будет хорошая шутка, она развеселит ваших родителей.

Когда я пришёл домой, папа лежал на диване, читал газету и зевал. Я нарисовал его медведем в берлоге.

А тут мама возвратилась из магазина с тяжёлыми сумками. И я нарисовал её верблюдом с огромными тюками.

Мама и папа посмотрели на мои рисунки и рассмеялись. А потом мама спросила:

– Ты рисуешь для школы?

– Конечно! – сказал я. – Это такое задание.

– Ну! – сказал папа. – Зачем же выдавать домашние секреты?! Нарисуй меня лучше в виде бобра, который без усталости строит дом. А мама пусть будет беззаботной порхающей птичкой.

Я так и сделал. Папу – бобром, маму – птичкой. И сдал рисунки учителю.

И тогда папу привлекли к ремонту школы. А маму заставили петь в родительском хоре.

Хорошая шутка получилась.

КАК Я РИСОВАЛ

В воскресенье утром мы завтракали на кухне. За окном было солнышко. Оно освещало стоявший на подоконнике целлофановый мешок с яйцами. Блестящий мешок пускал зайчики, а яйца просвечивались почти насквозь и были удивительного цвета кофе с молоком.

Когда мама и папа ушли по своим делам, я достал альбом, акварельные краски и решил нарисовать мешок с яйцами.

«Это будет моим домашним заданием к уроку рисования», – подумал я.

В понедельник я сдал рисунок учительнице, а во вторник моего папу вызвали в школу.

– Ваш ребёнок очень странный! – сказала учительница папе.

Папа удивился.

– Что рисуют дети? – спросила учительница. – Они рисуют то, что их удивляет, восхищает. Должен ли ребёнок удивляться мешку с яйцами?!

Папа удивлённо молчал.

– Может быть, у вас дома редко бывают яйца? – спросила учительница и посмотрела на папу с подозрением.

– Да нет, – смутился папа. – Мы вообще-то хорошо живём, ни в чём себе не отказываем.

Мне стало очень жаль папу, и, чтобы не расплакаться при учительнице, я вышел в коридор.

А когда мы возвращались домой, папа сказал:

– Знаешь что?! У нас на рынке, рядом с домом, продают ананасы. Я завтра куплю тебе один, и ты его нарисуешь. Хорошо?

КАК ПЕРВОКЛАССНИК ВАСЬКА СТАЛ ГОРДОСТЬЮ ШКОЛЫ (Сказка почётная)

Однажды ночью первокласснику Ваське приснилось, будто он стал Мурзилкой. Жёлтенький такой, с маленькими глазками и шерстяным беретом на макушке. И будто бы всю ночь Васька смотрел на себя в зеркало и приговаривал:

«Мурзилка! Ну, вылитый Мурзилка!»

А на следующий день на уроке рисования надо было нарисовать любимого сказочного героя. Вот Васька и нарисовал Мурзилку.

Учитель Иван Степанович бросил взгляд на Васькин рисунок и говорит:

– Ты что же, Василий, и себя к сказочным героям причисляешь? Ты же свой автопортрет нарисовал.

Ребята со своих мест повскакивали, подбежали и стали Васькин рисунок рассматривать. И говорят учителю:

– Иван Степанович, это же Васька Мурзилку нарисовал. Разве не видите?

Тогда Иван Степанович рисунок к доске прикнутил и самого Ваську рядом прислонил – для сравнения.

Посмотрел внимательно и ахнул: на рисунке и впрямь Мурзилка, известный всем желтоватый герой.

А ребята посмотрели и тоже ахнули: и правда Васька будто себя нарисовал.

А потом учитель Иван Степанович и ребята сложили свои наблюдения и сделали правильный вывод: первоклассник Васька очень похож на сказочного героя Мурзилку, особенно если Ваську чуть-чуть жёлтой краской измазать.

Это открытие тут же стало известно директору школы. И директор отдал распоряжение: Ваську намазать жёлтой краской, сфотографировать и этот фотопортрет вместе с рисунком прилепить на школьную Доску почёта. И подпись сделать: «Наш Мурзилка».

А потом вся школа приходила на живого Ваську любоваться. А некоторые даже просили пощупать его. И Васька разрешал – не даром, конечно, за денежку.

А потом Ваську даже вместо Мурзилки по телевизору в передаче «Спокойной ночи, малыши!» показывали.

И с тех пор стал первоклассник Васька гордостью школы. И когда ребята из других школ хвастались: «А у нас в школе свой бассейн есть... А у нас свой школьный автомобиль имеется... А у нас то да сё...», тогда ребята из Васькиной школы спокойно говорили: «А у нас есть свой Мурзилка! Вот так!»

И никто ничего возразить не мог. Потому что бассейн всегда можно построить, и автомобиль можно купить. А вот как сделать настоящего мальчика, на Мурзилку похожего, никто не знает. Его ни за какие деньги не купишь. Вот так!

БОРИС ЗАХОДЕР

НЕ ВЕЗЁТ

Отчего-то мне
Весь год
Не везёт и не везёт!
Не везёт мне на футболе:
Как ударишь – нет стекла!
Дома не везёт,
А в школе...
В школе – жуткие дела!
Хоть на той контрольной, скажем,
Я вполне четвёрки ждал:
Петька – с ним контакт налажен –
Мне шпаргалку передал.
Ну, как будто всё в порядке!
...Возвращают нам тетрадки.
Мы глядим.
И что же в них?
В них – четвёрка...
На двоих!
Петька смотрит виновато...
Я не бил его, ребята.
Он же это не назло.
Просто мне не повезло!
Уж такой я невезучий,
Незадачливый такой!
Взять, к примеру, этот случай:
Я, на всё махнув рукой,
Взял уроки сделал честно,
Сделал, не жалея сил!
Ну и что же?
Бесполезно!
Так никто и не спросил!

А обычно нет и дня,
Чтоб не вызвали меня.
Хоть под парту лезь – и тут
Обязательно найдут!
Никакого нет спасенья
От такого невезенья!
И всего обидней что?
Не сочувствует никто!
...Рано утром было это.
Сел в трамвай я на ходу.
Я решил не брать билета –
Скоро, думаю, сойду.
Ну откуда в эту пору
Было взяться контролёру?
Он остановил вагон,
И меня выводят вон!
Я сказал, понятно, сразу:
– Не везёт, как по заказу! –
А кругом как захохочут!
– Верно, – говорит народ, –
Раз трамвай везти не хочет,
Тут уж ясно –
Не везёт!

МОРСКОЙ БОЙ

Что за шум на задней парте?
Ничего нельзя понять!
Кто-то там шипит в азарте:
– Е-один!
– А-шесть!
– К-пять!
Это снова Вова с Петей
Позабыли всё на свете:
На уроках день-деньской

Бой идёт у них морской!
Бьются два военных флота
На листочках из блокнота.
Вова с Петей не пираты,
Не берут на abordаж,
А наводят на квадраты
Дальнобойный
Карандаш!
И противника догонят
Залпы меткие везде!
Вот линейный крейсер тонет
В разлинованной воде,
Вот уже близка победа:
Миноносцы бьют в упор...
Ну, ещё одна торпеда –
И на дно пойдёт линкор!

Но внезапно всё пропало:
Море, волны, корабли...
Прогремело
Громче шквала:
– Курс на доску, адмиралы!
– Адмиралы – на мели...
– Петька, друг, спасай – тону!
– Я и сам иду ко дну!..
Часто терпит поражение
Самый храбрый адмирал,
Если место для сраженья
Неудачно он избрал!

ПЕРЕМЕНА

«Перемена, перемена!»
– Заливается звонок.
Первым Вова непременно
Вылетает за порог.
Вылетает за порог –
Семерых сбивает с ног.
Неужели это Вова,
Продремавший весь урок?
Неужели этот Вова
Пять минут назад ни слова
У доски сказать не мог?
Если он, то, несомненно,
С ним бо-о-ольшая перемена!
Не угонишься за Вовой!
Он гляди какой бедовый!
Он за пять минут успел
Переделать кучу дел:
Он поставил три подножки
(Ваське, Кольке и Серёжке),
Прокатился кувырком,

На перила сел верхом,
Лихо шлёпнулся с перил,
Подзатыльник получил,
С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи,
– Словом, сделал всё, что мог!
Ну, а тут – опять звонок...
Вова в класс плетётся снова.
Бедный! Нет лица на нём!
– Ничего, – вздыхает Вова,
– На уроке отдохнём!

ПЕТЯ МЕЧТАЕТ

...Если б мыло
Приходило
По утрам ко мне в кровать
И само меня бы мыло –
Хорошо бы это было!
Если б, скажем,
Мне волшебник
Подарил такой учебник,
Чтобы он бы
Сам бы мог
Отвечать любой урок...
Если б ручку мне в придачу,
Чтоб могла
Решить задачу,
Написать диктант любой
– Всё сама,
Само собой!
Если б книжки и тетрадки
Научились быть в порядке,
Знали все
Свои места –
Вот была бы красота!
Вот бы жизнь тогда настала!
Знай гуляй да отдыхай!
Тут и мама б перестала
Говорить, что я лентяй...

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПРИВИВКА

– На прививку! Первый класс!

– Вы слышали? Это нас!.. –

Я прививки не боюсь:

Если надо – уколюсь!

Ну, подумаешь, укол!

Укололи – и пошёл...

Это только трус боится

На укол идти к врачу.

Лично я при виде шприца

Улыбаюсь и шучу.

Я вхожу один из первых

В медицинский кабинет.

У меня стальные нервы

Или вовсе нервов нет!

Если только кто бы знал бы,

Что билеты на футбол

Я охотно променял бы

На добавочный укол!..

– На прививку! Первый класс!

– Вы слышали? Это нас!.. –

Почему я встал у стенки?

У меня... дрожат коленки...

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ПЯТЬ

У меня опять:

Тридцать шесть и пять!

Озабоченно и хмуро

Я на градусник смотрю:

Где моя температура?

Почему я не горю?

Почему я не больной?

Я здоровый! Что со мной?

У меня опять:

Тридцать шесть и пять!

Живот потрогал – не болит!

Чихаю – не чихается!

И кашля нет! И общий вид

Такой, как полагается!

И завтра ровно к девяти

Придётся в школу мне идти

И до обеда там сидеть –

Читать, писать и даже петь!

И у доски стоять, молчать,

Не зная, что же отвечать...

36,5°

У меня опять:
Тридцать шесть и пять!

Я быстро градусник беру
И меж ладоней долго тру,
Я на него дышу, дышу
И про себя прошу, прошу:
«Родная, миленькая ртуть!
Ну, поднимись ещё чуть-чуть!
Ну, поднимись хоть не совсем —
Остановись на «тридцать семь»!»

Прекрасно! Тридцать семь и два!
Уже кружится голова!
Пылают щёки (от стыда!)...
— Ты нездоров, мой мальчик?
— Да...

Я опять лежу в постели —
Не велели мне вставать.
А у меня на самом деле —
Тридцать шесть и пять!

ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЁМ

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!
- А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?
- Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть по-
дальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу!
Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно
спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел.
Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался.
Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет:

Пропали наши тетрадки

Я ему отвечаю:

Пропали наши тетрадки

Он мне пишет:

Что делать будем?

Я ему отвечаю:

Что делать будем?

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то сегодня ты странный...

КАК Я ВСЕХ ОБМАНУТЬ ХОТЕЛ

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я всё-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был не настоящий. Это я промокашку под щёку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорил – вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я всё нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

– Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведёркина как заорёт:

– Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

В ШКАФУ

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь – в классе тихо. Смотрю в щёлочку – никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

– Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался – тишина кругом.

Я опять:

– О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

– Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

– Тётя Ньюша, я здесь!

– Где ты, родименький?

– В шкафу я! В шкафу!

– Как же ты, милый, туда забрался?

– Я в шкафу, бабуся!

– Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

– Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч – наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

– Там нет никого, – сказал Пал Палыч.

– Как же нет. Есть, – сказала тётя Ньюша.

– Ну где же он? – сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

– Я здесь!

– Кто ты? – спросил Пал Палыч.

– Я... Цыпкин...

– Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

– Меня заперли... Я не забрался...

– Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

– Слышу...

– Ты давно там сидишь? – спросил Пал Палыч.

– Не знаю...

– Найдите ключ, – сказал Пал Палыч. – Быстро.

Тётя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

– Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня

спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мученье! Что было мне отвечать?

Я молчал.

– Ты живой там? – спросил Пал Палыч.

– Живой...

– Ну сиди, скоро откроют...

– Я сижу...

– Так... – сказал Пал Палыч. – Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

– Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

– Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать. Тётя Нюша сказала:

– Ключ унёс староста класса.

– Взломайте дверь, – сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, – шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддавалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

– Ну, выходи, – сказал директор. – И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

– Почему он стоит? – спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

ВОТ ЧТО ИНТЕРЕСНО!

Когда Гога начал ходить в первый класс, он знал только две буквы: О – кружочек и Т – молоточек. И всё. Других букв не знал. И читать не умел.

Бабушка пыталась его учить, но он сейчас же придумывал уловку:

– Сейчас, сейчас, бабуся, я тебе вымою посуду.

И он тут же бежал на кухню мыть посуду. И старенькая бабушка забывала про учёбу и даже покупала ему подарки за помощь в хозяйстве. А Гогины родители были в длительной командировке и надеялись на бабушку. И конечно, не знали, что их сын до сих пор читать не научился. Зато Гога часто мыл пол и посуду, ходил за хлебом, и бабушка всячески хвалила его в письмах родителям. И читала ему вслух. А Гога, устроившись поудобней на диване, слушал с закрытыми глазами.

«А зачем мне учиться читать, – рассуждал он, – если бабушка мне вслух читает». Он и не старался.

И в классе он увиливал как мог.

Учительница ему говорит:

– Прочти-ка вот здесь.

Он делал вид, что читает, а сам рассказывал по памяти, что ему бабушка читала.

Учительница его останавливала.

Под смех класса он говорил:

– Хотите, я лучше закрою форточку, чтобы не дуло.

Или:

– У меня так кружится голова, что я сейчас, наверное, упаду...

Он так искусно притворялся, что однажды учительница его к врачу послала.

Врач спросил:

– Как здоровье?

– Плохо, – сказал Гога.

– Что болит?

– Всё.

– Ну, иди тогда в класс.

– Почему?

– Потому что у тебя ничего не болит.

– А вы откуда знаете?

– А ты откуда знаешь? – засмеялся врач.

И он слегка подтолкнул Гогу к выходу. Больным Гога больше никогда не притворялся, но уваливать продолжал.

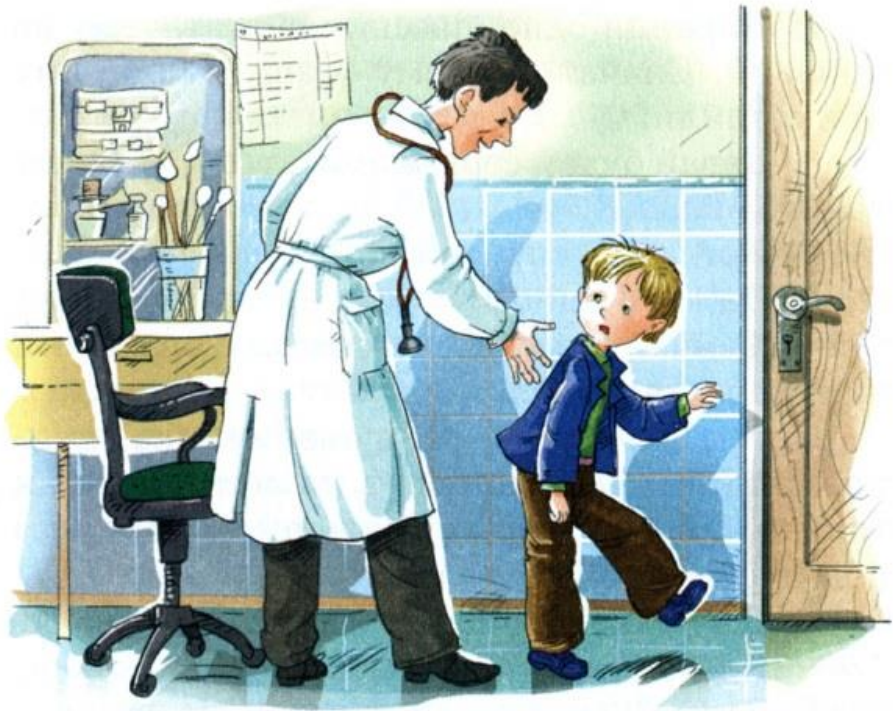
И старания одноклассников ни к чему не привели. Сначала к нему Машу-отличницу прикрепили.

– Давай будем серьёзно учиться, – сказала ему Маша.

– Когда? – спросил Гога.

– Да хоть сейчас.

– Сейчас я приду, – сказал Гога. И он ушёл и не вернулся.

Потом к нему Гришу-отличника прикрепили. Они остались в классе. Но как только Гриша открыл букварь, Гога полез под парту.

– Ты куда? – спросил Гриша.

– Иди сюда, – позвал Гога.

– Зачем?

– А здесь нам никто мешать не будет.

– Да ну тебя! – Гриша, конечно, обиделся и сейчас же ушёл.

Больше к нему никого не прикрепляли.

Время шло. Он увиливал.

Приехали Гогины родители и обнаружили, что их сын не может прочесть ни строчки. Отец схватился за голову, а мать за книжку, которую она привезла своему ребёнку.

– Теперь я каждый вечер, – сказала она, – буду читать вслух эту замечательную книжку своему сыночку.

Бабушка сказала:

– Да, да, я тоже каждый вечер читала вслух Гогочке интересные книжки.

Но отец сказал:

– Очень даже напрасно вы это делали. Наш Гогочка разгневался до такой степени, что не может прочесть ни строчки. Прошу всех удалиться на совещание.

И папа вместе с бабушкой и мамой удалились на совещание. А Гога сначала заволновался по поводу совещания, а потом успокоился, когда мама стала ему читать из новой книжки. И даже заболтал ногами от удовольствия и чуть не сплюнул на ковёр.

Но он не знал, что это было за совещание! Что там постановили!

Итак, мама прочла ему полторы страницы после совещания. А он, болтая ногами, наивно воображал, что так и будет дальше продолжаться. Но когда мама остановилась на самом интересном месте, он опять заволновался.

А когда она протянула ему книгу, он ещё больше заволновался.

– А дальше читай сам, – сказала ему мама.

Он сразу предложил:

– Давай я тебе, мамочка, вымою посуду.

И он побежал мыть посуду.

Но и после этого мама отказывалась читать.

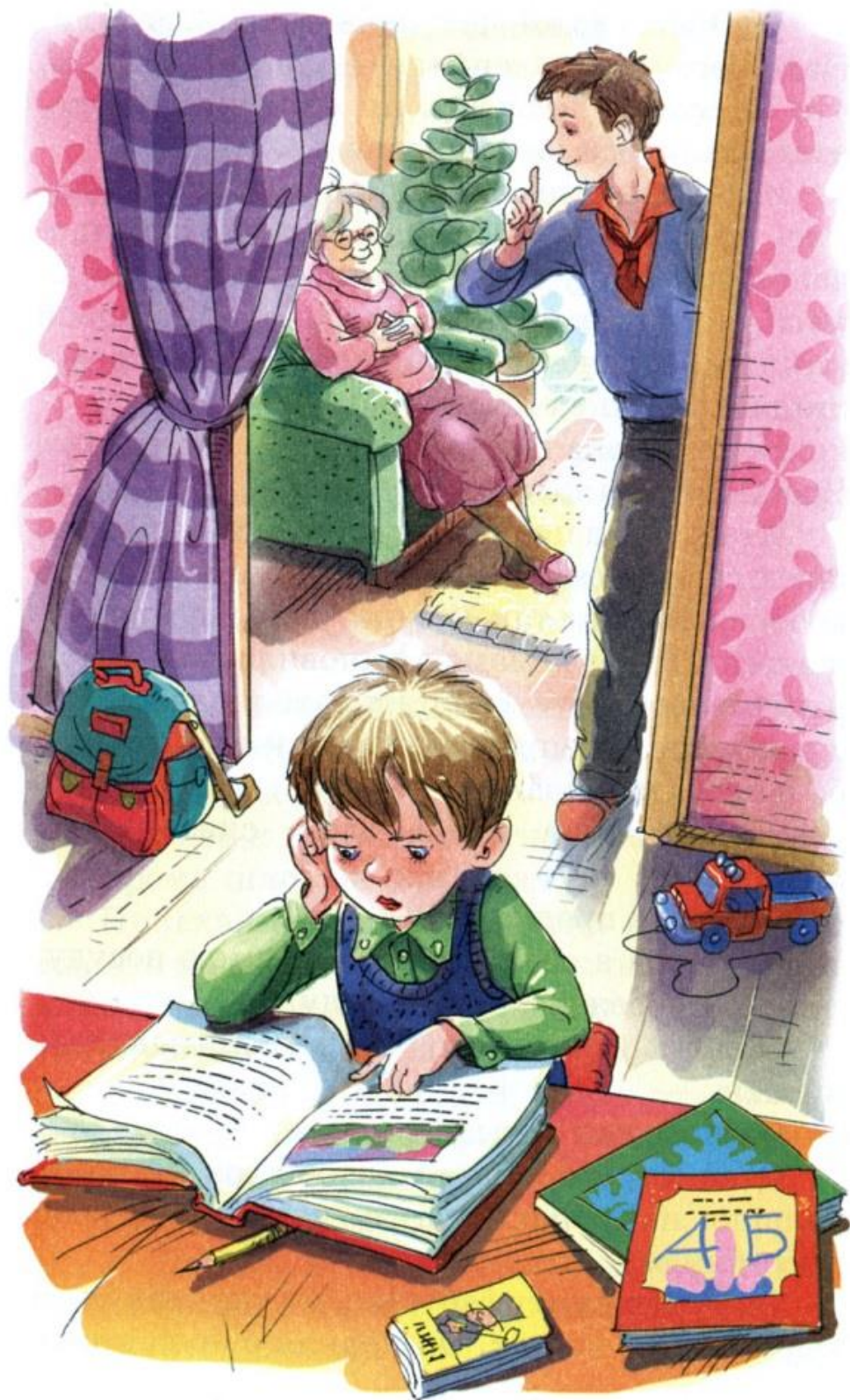
Он побежал к отцу.

Отец строго сказал, чтобы он никогда больше не обращался к нему с такими просьбами.

Он сунул книгу бабушке, но она зевнула и выронила её из рук. Он поднял с пола книгу и опять отдал бабушке. Но она опять выронила её из рук. Нет, раньше она никогда так быстро не засыпала в своём кресле! «Действительно ли, – думал Гога, – она спит, или ей на совещании поручили притворяться?» Гога дёргал её, тормозил, но бабушка и не думала просыпаться.

А ему так хотелось узнать, что дальше происходит в этой книжке!

В отчаянии он сел на пол и стал рассматривать картинки.

Но по картинкам трудно было понять, что там дальше происходит.

Он принёс книгу в класс. Но одноклассники отказывались ему читать. Даже мало того: Маша тут же ушла, а Гриша вызывающе полез под парту.

Гога пристал к старшекласснику, но тот щёлкнул его по носу и засмеялся.

Как дальше быть?

Ведь он так никогда и не узнает, что дальше в книге написано, пока не прочтёт её.

Оставалось учиться.

Читать самому.

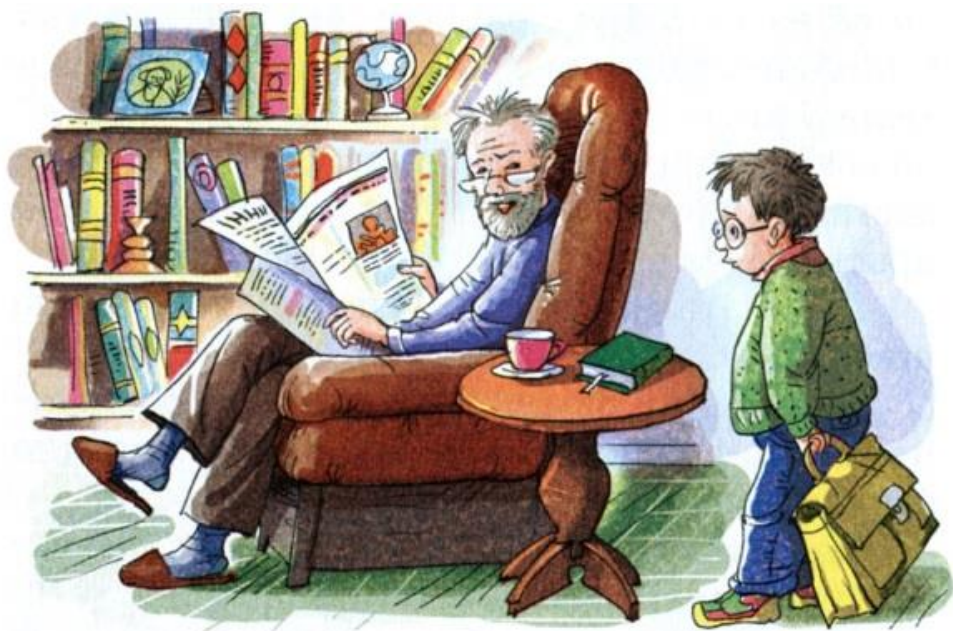
Вот что значит домашнее совещание!

Вот что значит общественность!

Он вскорости прочёл всю книгу и много других книг, но по привычке никогда не забывал сходить за хлебом, вымыть пол или посуду.

Вот что интересно!

ЛЕОНИД КАМИНСКИЙ

ЗНАНИЕ – СИЛА

В одной средней школе, не то в четвёртом «Ю», не то в пятом «Ю» классе, учился мальчик по имени Петя. Все звали его Круглый: во-первых, за его фигуру, напоминавшую мячик, а во-вторых, за то, что он был круглым отличником. Кроме того, Петя носил круглые очки и круглый год решал разные теоретические задачи.

И был у Пети дедушка – профессор медицины. Дедушка Петю очень любил и разрешал ему рыться в своих учёных книгах.

Однажды пришёл Петя к дедушке, а сам чуть не плачет.

– Что с тобой? – спросил профессор. – Почему ты чуть не плачешь?

– Я сегодня получил двойку! – отвечает Петя.

– Как – двойку? – удивился дедушка. – Ведь ты же круглый отличник!

– Уже не круглый! – сказал Петя. – Я получил два по физкультуре, потому что подтянулся на перекладине только два раза.

– Этого следовало ожидать, – сказал дедушка. – Тебе давно пора заняться спортом.

– Нет, – возразил внук. – Ты же знаешь, что я твёрдо решил стать учёным-теоретиком. Зачем же я буду тратить своё драгоценное время на какую-то физкультуру?

– Хорошо, – согласился дедушка. – Тогда изучи этот вопрос хотя бы теоретически!

Дедушка покопался в своей библиотеке и нашёл три толстых тома.

– Вот тебе на первый раз. Изучи и верни мне послезавтра.

Книги назывались: «Пластическая анатомия с описанием пропорций человека», «Статика и динамика человеческого тела» и «Теория лёгкой атлетики». Книги были увесистые, особенно «Лёгкая атлетика», и Петя еле дотащил их до дому.

В следующий раз дедушка вручил Пете восемь томов «Спортивной энциклопедии». С этими книгами Петя даже не решился войти в лифт. Его напугала табличка: «Не перегружай кабину – опасно!» Пришлось тащить книги на пятый этаж по лестнице.

Прошёл месяц. За это время Петя успел ознакомиться с целой горой спортивной литературы. Он уже почти всё знал о спорте. Одновременно он убедился, что перестал быть «круглым» – похудел и раздался в плечах. И вот однажды Петя пришёл к дедушке сияющим и жизнерадостным.

– Что с тобой? – спросил профессор. – Почему ты такой сияющий и жизнерадостный?

– Я сегодня получил по физкультуре пятёрку: подтянулся целых пятьдесят раз! – сказал Петя. – Правду говорят: знание – это сила!

ПОНЕДЕЛЬНИК – ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ

– Так и знал! Ведь сегодня понедельник! – мрачно сказал Антон Петухов, в третий раз перетряхивая свой портфель.

– Понедельник? Ну и что? – удивился сосед Петухова по парте Юра Серёжкин.

– Что-что! А то, что в понедельник со мной всякие неприятности происходят. Вот и сегодня: авторучку потерял. Четырёхцветную.

– Может, закатилась куда-нибудь?

– Не знаю. Скорее всего на перемене посеял, когда с Брюквинным боролся.

– Слушай, Петух, у меня идея! – сказал Юра. – Напиши-ка объявление!

– Какое ещё объявление?

– Ну, что ручку потерял. И приметы опиши. Знаешь, как пишут: «Пропал кот. Сам рыжий, хвост полосатый,

глаза зелёные. Просим убедительно вернуть за вознаграждение».

– Ты что, ещё смеёшься?

– Да нет, я серьёзно. На, возьми мою ручку, пиши. И повесь где-нибудь на видном месте, например у буфета.

Антон вздохнул и стал писать объявление. На большой перемене он прикрепил его у входа в буфет, около плаката с надписью:

ВСЕ ЗДОРОВЫ – ВЫ, МЫ, ТЫ,
ЕСЛИ РУКИ ВЫМЫТЫ!

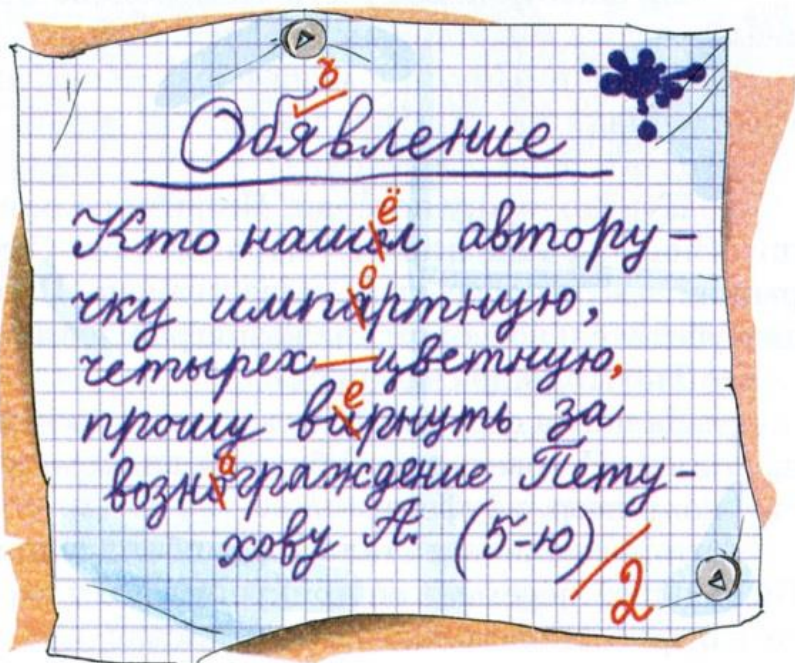
...Людмила Аркадьевна вошла в класс и громко объявила:

– Прошу всех приготовить тетради и ручки. Сегодня пишем сочинение. Все, кроме Петухова.

– Почему кроме?.. – удивился Антон. – А я?

– Во-первых, тебе нечем писать. А во-вторых, ты уже сегодня одно сочинение написал. Возьми, пожалуйста, я его проверила.

Петухов взял у учительницы листок бумаги и сел на место. Серёжкин заглянул в листок Антона и прочёл:

– Я же говорил, – проворчал Петухов, – понедельник для меня день тяжёлый!

ЗАБЫВЧИВЫЙ БРЮКВИН, ИЛИ ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

«...Из-за вершин деревьев показалась лошадь, идущая вдоль обрыва. На лошади сидел человек. И лошадь, и всадник тёмными силуэтами вырисовывались на светлом небе. Лошадь была безупречна, как изваяние тончайшей работы. Очертания всадника были видны только от седла и до плеч, но над плечами не было ничего...»

Витя Брюквин, дрожа от нетерпения, перелистнул страницу книги. Интересно: что же дальше?

– Дальше нам расскажет Брюквин, – сказала учительница Валентина Павловна.

– А дальше я ещё не прочёл, – ответил Брюквин, не сразу сообразив, что он сидит в классе и что идёт урок географии.

– О чём не прочёл? О меридианах? Или о параллелях? Кстати, Брюквин, что такое «меридианы»?

– Меридианы – это... Валентина Павловна, я забыл!

– И не знал, – добавила учительница. – Хорошо. Достань учебник. Читай по книге.

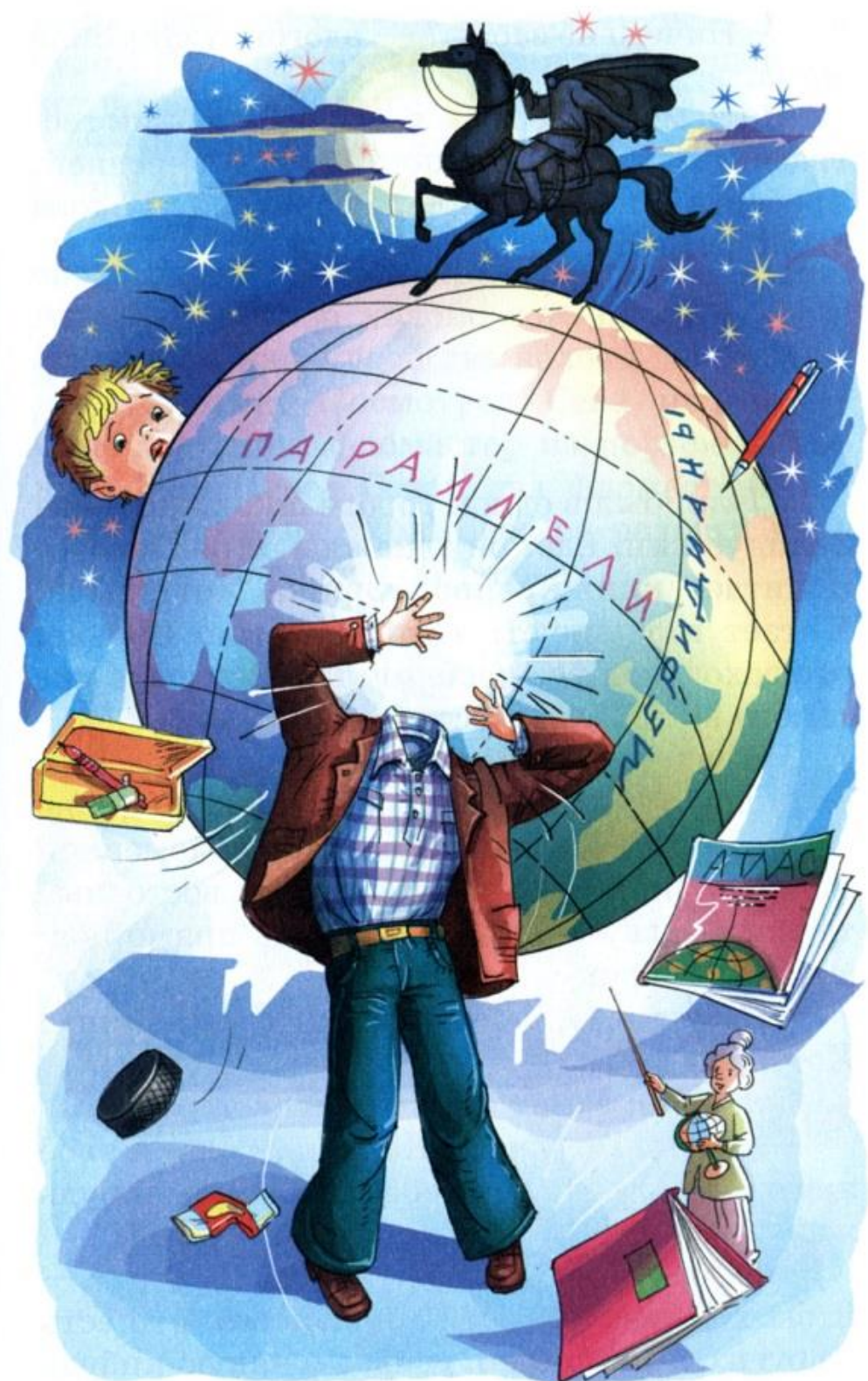
Витя полез в свой издавший виды портфель. Но кроме двух тощих тетрадок, пенала, хоккейной шайбы и мятной жевательной резинки, ничего не обнаружил.

– Забыл... – вздохнул Витя.

– Другого я от Брюквина и не ожидала, – сказала Валентина Павловна. – Давай свой дневник. Надеюсь, его ты не забыл?

Витя на всякий случай стал снова перетряхивать портфель. Но кроме мятной жевательной резинки, хоккейной шайбы, пенала и двух тощих тетрадок, опять ничего не нашёл.

– Забыл...

– Так я и знала! – В голосе Валентины Павловны появились металлические нотки. – Интересно: а голову свою ты не забыл?

– Забыл... – машинально произнёс Витя и осёкся, ожидая взрыва хохота. Но в классе никто не смеялся – повисла необычная тишина.

– Ой, а он действительно без головы!.. – слышался испуганный голос Ани Карнауховой.

Витя решил потрогать себя за нос, но носа... не оказалось.

– Неужели я сплю? – Витя попробовал ущипнуть себя за ухо, но и уха тоже не было!

– Слушай, – шепнул Витя Серёжкину, – толкни меня посильнее!

Серёжкин с удовольствием выполнил просьбу товарища, и Брюквин проснулся.

...Витя лежал дома на кровати. Над ним склонилась мама.

– Сколько можно тебя будить! Опять в школу опоздаешь!

Витя вскочил, оделся, наспех умылся, побросал книжки в портфель, схватил со стола бутерброд и, жуя, бросился к дверям.

– Ничего не забыл? – вдогонку спросила мама.

Витя молча вернулся, нашёл учебник географии и сунул его в портфель. В передней, пробегая мимо зеркала, обернулся. Голова была на месте...

СЕВА И ВОЛШЕБНИК

(Сказка)

Жил-был в одном городе школьник Сева Завидушкин. Едет он однажды в троллейбусе и читает книжку про старика Хоттабыча. Читает и завидует: «Хорошо было Воль-

ке: что захочешь, всё исполняется! Вот бы и мне такого волшебника встретить!»

Не успел подумать – глянь, перед ним старичок стоит. Борода длиннющая, и одет не по сезону: на улице зима, а он в соломенной шляпе, узких брючках и на ногах восточные туфли с загнутыми носами! Сева прямо подскочил с места:

– Садитесь, пожалуйста, гражданин... Хоттабыч!

Старичок самодовольно улыбнулся:

– Молодец, узнал! Хочешь, Сева, я твоё желание исполню? У тебя есть какое-нибудь желание?

– Ага, – обрадовался Завидушкин. – Я бы хотел, чтобы у меня было то, что есть у других... Например, увидел я какую-нибудь вещь, которой у меня нет, пусть она у меня будет! Или нет, пусть у меня этих вещей будет в два раза больше!

– Ладно! – сказал Хоттабыч, засмеялся своим старческим смехом и исчез.

А Сева бросился бегом в школу. Сел на свою парту и посмотрел направо. Видит: Аня Карнаухова яблоко ест. Вдруг – бац! На парте перед Севой два яблока лежат. Оба надкусанных. Посмотрел Сева налево – Сидоров синий фломастер из портфеля вынул. Бац! Перед Севой два фломастера лежат. Оба синих. Ура! Сева от радости чуть не заорал! Молодец Хоттабыч!

...Дома Сева с нетерпением открыл свой разбухший портфель. Чего здесь только не было! Два перочинных ножика, два карандаша «Орион», два бутерброда с сыром, две книжки «Занимательная астрономия», две открытки с изображением Михаила Боярского, два «Тетриса», два кубика Рубика, два синих фломастера и даже... два пушистых котёнка.

– Савелий! – отвлѣк Севу от приятных занятий голос отца. – Ты что там затих? Покажи-ка дневник, я давно туда не заглядывал!

Сева вынул дневник, открыл его и... о ужас! На последней заполненной странице стояли сразу две двойки по русскому!

«Вот так дела! – подумал Завидушкин. – Когда же я успел в дневник к Петухову заглянуть?»

САМАЯ НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

– **Пятый «Ю»**, внимание! Пожалуйста, возьмите ручки в ваши ручки и запишите тему домашнего сочинения. Кто там тяжело вздыхает? Успокойтесь, пожалуйста! Мы с вами уже давно ничего не сочиняли. Кстати, кто мне назовѣт синонимы к слову «сочинять»?

Пятый «Ю» оживился:

– Выдумывать! Фантазировать! Заливать! Вешать лапшу на уши!

– Прекрасно! Между прочим, вы не забыли, какой завтра день? Правильно, суббота. А кроме того, первое апре-

ля! Самый подходящий день, чтобы выдумывать, заливать, и это, как вы сказали, вешать лапшу... Кстати, и тема сочинения соответствующая: «Моя невероятная встреча». Записали? Жду ваши шедевры в понедельник.

Последние слова Людмилы Аркадьевны совпали со звонком на перемену.

...Во вторник учительница вошла в класс с большой стопкой тетрадей.

– Ну что ж, должна вам признаться, что вы меня приятно удивили. Если, конечно, не считать некоторые грамматические ошибки, типа «энопланетяне». Но главное, меня поразила ваша фантазия. Прямо братья Стругацкие!

Вот, например, сочинение Антона Петухова:

«Однажды я опаздывал в школу и перебежал дорогу в неполюженном месте. Раздался свисток милиционера. Какое же было моё удивление, когда я увидел, что это был директор нашей школы, только в милицейской форме. Я ему сказал: «Извините, Юрий Иванович, я больше не буду!» А он мне ответил: «Это хорошо, что ты больше не будешь нарушать правила уличного движения, только я не Юрий Иванович, а Пётр Иванович – родной брат-близнец директора вашей школы...»

Петухову я поставила пятёрку. Действительно, невероятная история, если учесть, что у нашего директора никаких братьев нет.

Лиля Корзинкина описывает свою неожиданную встречу в трамвае с Филиппом Киркоровым. Он уступил ей место, а потом подарил свою фотографию с автографом: «Милой Лиле от Киркорова Фили».

В общем, одно сочинение невероятнее другого. Но самую высокую оценку – пять с плюсом – я всё же решила поставить Вите Брюквину. Вот что он пишет: «Однажды я поехал в Парголово на лыжную прогулку. Светило яркое солнце. Вдруг на снегу я увидел огромные следы босого человека. Когда я пошёл по следам, то неожиданно встре-

тил снежного человека, обросшего шерстью. Я с ним поздоровался и пошёл дальше...»

Я считаю эту историю самой невероятной. Как вы думаете, почему?

Аня Карнаухова подняла руку:

– Потому что Брюквин никогда ни с кем не здоровается!

– Вот именно! – сказала Людмила Аркадьевна. – Давай-ка, Витя, твой дневник, я поставлю тебе пять с плюсом!

В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА

– А, это ты, Брюквин? Входи, входи, давно тебя жду. Видишь, какая тебе честь: сам директор школы отложил свои дела, чтобы с тобой побеседовать!

– Я больше не буду...

– Ага, знает кошка, чьё мясо съела! Значит, предчувствуешь, о чём пойдёт разговор?

– Я больше не буду...

– Это мы уже слышали. Вот передо мной целый список твоих приключений. Просто какой-то мифологический герой! Двенадцать подвигов Геракла!

– Я больше не буду...

– Начнём с первого апреля. В этот день тебя не было в школе. Так думали учителя. А на самом деле ты все уроки просидел в «Живом уголке», изображая из себя шимпанзе!

– Я больше не буду...

– Четвёртого апреля, в понедельник, на уроке физкультуры ты забросил в баскетбольную корзину рюкзак ученицы Ани Карнауховой, который упал на голову твоему однокласснику Петухову!..

– Я больше не буду...

– Шестого апреля на уроке истории ты сделал сенсационное открытие: оказывается, декабристы получили своё название из-за того, что они все родились в декабре и на Сенатской площади праздновали свой день рождения!

– Я больше не буду...

– Одиннадцатого апреля во время перемены ты демонстрировал приёмы карате, в результате чего пробил ногой перегородку и влетел в учительскую!..

– Я больше не буду...

– Во вторник, двенадцатого апреля, ты забрался в кабинет химии и пытался растворить в азотной кислоте свой дневник, но, к счастью, не нашлось подходящей посуды...

– Я больше не буду...

– Через неделю, девятнадцатого числа, учительница русского языка попросила тебя на доске написать сегодняшнее число. И ты, не задумываясь, написал: «Сигодне фторник, дивитнадцатое опреля», чем вызвал сердечный приступ у Людмилы Аркадьевны.

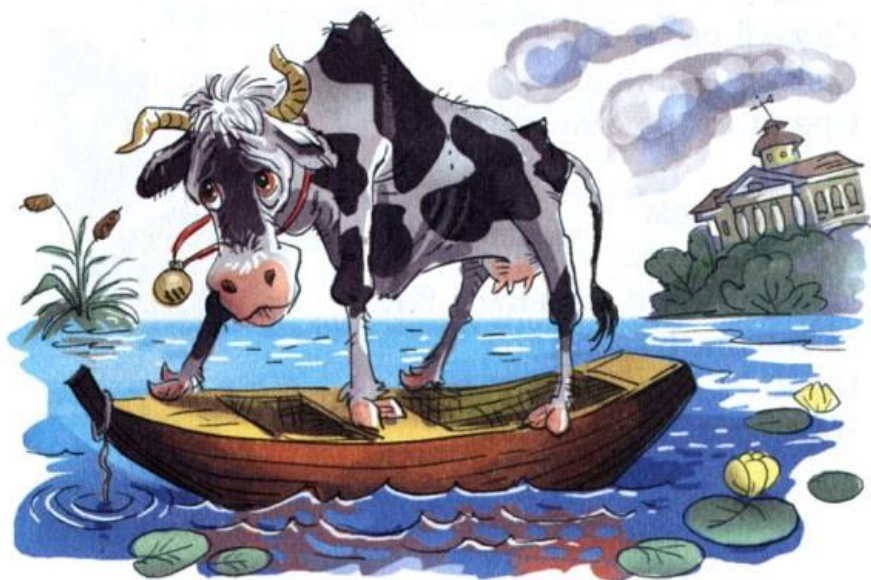
– Я больше не буду...

– Вчера на уроке литературы ты получил сразу две двойки. Одну за то, что подсказывал, а вторую за то, что подсказывал неправильно: по-твоему выходит, что Муму – это кличка коровы, которая утопилась, не выдержав гнёта царского самодержавия!

– Я больше не буду...

– Ну что мне с тобой делать, Брюквин?! А ведь при желании ты можешь хорошо учиться. Вот, например, в прошлом месяце ты получил вполне заслуженную пятёрку по математике!

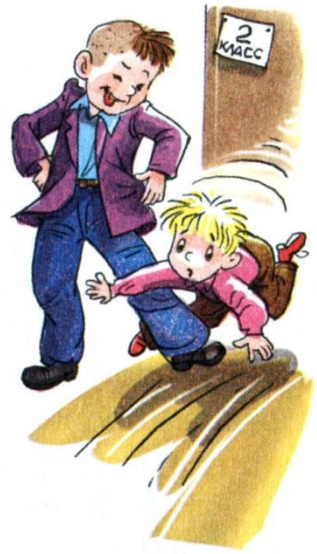
– Я больше не буду...

СИЛЬНЫЙ ВАСЯ

Наш Василий,
Наш Василий,
Наш Василий Квасников
Самый сильный,
Самый сильный
Среди второклассников!

Второкласснику Серёжке
Часто ставит он подножки.
Второкласснику Андрюшке
Как-то съездил по макушке.
Второкласснику Гришутке
Дал по шее ради шутки.

Наш Василий,
Наш Василий,
Наш Василий Квасников
Самый сильный,
Самый сильный
Среди второклассников!

...А в своём Четвёртом классе
Не такой уж сильный Вася.
И боится Квасников
Всех
Четвероклассников!

АГНИЯ БАРТО

Я ВЫРОСЛА

Мне теперь не до игрушек –
Я учусь по букварю,
Соберу свои игрушки
И Серёже подарю.

Деревянную посуду
Я пока дарить не буду.
Заяц нужен мне самой –
Ничего, что он хромой,

А медведь измазан слишком...
Куклу жалко отдавать:
Он отдаст её мальчишкам
Или бросит под кровать.

Паровоз отдать Серёже?
Он плохой, без колеса...
И потом, мне нужно тоже
Поиграть хоть полчаса!

Мне теперь не до игрушек –
Я учусь по букварю...
Но я, кажется, Серёже
Ничего не подарю.

В ШКОЛУ

Почему сегодня Петя
Просыпался десять раз?
Потому что он сегодня
Поступает в первый класс.
Он теперь не просто мальчик,
А теперь он новичок,
У него на новой куртке
Отложной воротничок.
Он проснулся ночью тёмной,
Было только три часа.
Он ужасно испугался,
Что урок уж начался.
Он оделся в две минуты,
Со стола схватил пенал.
Папа бросился вдогонку,
У дверей его догнал.
За стеной соседи встали,
Электричество зажгли,
За стеной соседи встали,
А потом опять легли.
Разбудил он всю квартиру,

До утра заснуть не мог.
Даже бабушке приснилось,
Что она твердит урок.
Даже дедушке приснилось,
Что стоит он у доски
И не может он на карте
Отыскать Москвы-реки.
Почему сегодня Петя
Просыпался десять раз?
Потому что он сегодня
Поступает в первый класс.

ПЕСЕНКА ПРО ПЕТЮ

Целый день он занят делом,
Двух минут не отдохнёт:
То он парту мажет мелом,
То сидит бумажки рвёт!
А во время переменки
Занят он ещё сильнее:
Подойдёт он к чистой стенке,
Чертит чёртиков на ней.

Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!
Ах, как занят этот Петя!
Целый час ломал часы
И на мамином портрете
Подрисовывал усы.
То он вскочит на скамейку,
То залезет под кровать,
То зачем-то схватит лейку,
Станет лужи поливать.
Со двора домой вернётся,
Бросит санки у крыльца,
Если их чинить возьмётся,
Доломает до конца.
То промчится он вприпрыжку,
То залезет на чердак...
Взяться некогда за книжку –
Слишком занят он и так!
Мы песенку про Петю
Решили вам пропеть,
Чтоб не было на свете
Ему подобных Петь!

ЗВОНКИ

Я Володины отметки
Узнаю без дневника.
Если брат приходит с тройкой –
Раздаётся три звонка.
Если вдруг у нас в квартире
Начинается трезвон –
Значит, пять или четыре
Получил сегодня он.

Если он приходит с двойкой –
Слышу я издалека:
Раздаётся два коротких,
Нерешительных звонка.
Ну, а если единица –
Он тихонько в дверь стучится.

АНДРЕЙ УСАЧЁВ

УБОРКА

– Ты, Крылов, цветы полей-ка.
Там, в углу, большая лейка.
Ты, Козлов, с доски стирай.
Ты, Петрова, подметай!

– Нет проблем! – сказал Крылов.
– Всё хоккей! – сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не ответила ни слова.

– В общем, чтобы был порядок! –
Пояснил учитель мысль
И ушёл с горой тетрадок.
И события понеслись:

Взял Крылов большую лейку –
Стал Петрову поливать.
Не стерпел Козлов – и тряпкой
Стал Петрову вытирать.

А суровая Петрова
Не сказала им ни слова –
И Козлова, и Крылова
Стала щёткой выметать...

В общем, школа так тряслась,
Что вбежал директор в класс
И взглянул на них с испугом:
– Что вы делали друг с другом?

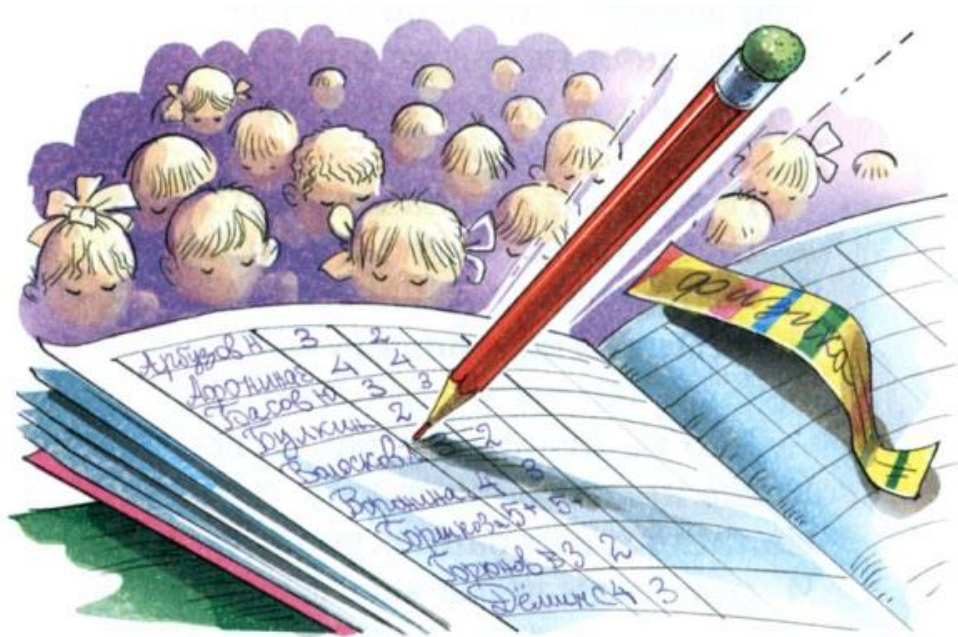
– П-поливал, – сказал Крылов,
– В-вытирал, – сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не ответила ни слова.

– Что ж, отлично убран класс –
Класс намного чище вас!
Напишу я вам записку –
И чтоб были через час...

– Ой, не на... – сказал Крылов.
– Я не бу... – сказал Козлов.
А суровая Петрова
Не сказала ничего.
Но сдержал директор слово.
Вскоре всех до одного
По директорской записке
Срочно приняли в химчистке.

МАРК ТАРЛОВСКИЙ

ГИПНОЗ

– Пойдёт отвечать...

Затаив дыхание, Ленька Волосков впивается в учебник. От волнения он видит всего два слова: «Так как...»

Карандаш учителя медленно скользит по журналу. Ученики с фамилиями на «А» и «Б» распрямляют спины. Карандаш ползёт по «В»...

«Быстрее», – торопит Волосков.

Карандаш застревает.

«Так как, – повторяет Волосков, – так как...»

– Пойдёт...

«Только не меня... Если не вызовут, буду учить каждый день...»

Карандаш дёргается, как грузовик в канаве, и тихо, почти незаметно сползает книзу...

– Корякин!

Вздых облегчения.

– Я не выучил, – уныло сообщает Корякин.

«Болван! – стонет Волосков. – Никогда не учит! Хоть бы раз!..»

– Почему? – хмурится учитель.

– Голова весь день болела...

«Голова у него болела! – с ненавистью фыркнул Волосков. – Весь день в футбол гонял... Голова! Треснуть бы по этой голове».

– Может, всё-таки помнишь что-нибудь? Материал нетрудный. Ведь это уже твоя вторая двойка по физике.

– Иди, – шепчет Волосков. – Материал ерундовый, рассказывать нечего!

– И класс тебе поможет, – продолжает учитель.

– Конечно, поможем! – восклицает Лёнька. – Всё время будем помогать!

– Нет, – говорит Корякин голосом человека, которому уже ничто не поможет. – Не могу...

– Иди! – угрожающе шипит Волосков. – Ведь это уже твоя вторая двойка...

– Ну садись. – Учитель склоняется над журналом. – Вопрос тот же...

«Честное слово, буду учить, – бормочет Лёнька. – Десять часов в день, если не вызовут! На улицу вообще ходить перестану! Зарядку буду делать».

– Грачёв!

Грачёв идёт к доске.

– Вопрос лёгкий! – бросает на всякий случай Волосков и нагибается к впереди сидящим: – Можете не повторять... Сейчас меня вызовут...

Ответ Грачёва тем временем близится к концу.

«Скорей бы домой! – вздыхает Лёнька. – Завтра воскресенье... Убрать всё нужно... помыть... и к соседям... кому что трудно... Кому у нас трудно-то?.. Все, как назло, молодые, здоровые... Через квартал старушка какая-то... Схожу! И – за уроки. С двух до шести – физика...»

– Отвечать пойдёт...

«Физику кончу – и к старушке...»

– Пойдёт...

Волосков устремляет на учителя пристальный немигающий взгляд. «Мочалкин! Мочалкин!» – бормочет он.

Но в позе учителя мало что меняется. Волосков прищуривается и выпячивает подбородок.

«Мочалкин, Мочалкин... или Пашков», – добавляет он, предоставляя учителю некоторую самостоятельность.

«Волосков хорошо знает материал... Его можно и потом спросить, Волосков учит... Мочалкина давно не вызывали...»

Наступает решающий момент... Лёнька напрягает даже ноги: «Пойдёт отвечать Мочалкин! Послушаем Мочалкина!.. А как себя чувствует Мочалкин?..»

– Волосков!

В устах учителя фамилия звучит как выстрел в спину.

«Хотя нет... Посиди пока...» – делает Волосков последний отчаянный пас. Но учитель молча смотрит на него.

...Получив двойку, Волосков тяжело откидывается на спинку парты и несколько секунд сидит, тупо уставившись в пространство. Потом он медленно переводит взгляд на учителя, лицо его выражает крайнее недоумение:

«Десять часов в день... Старушка... И до чего человек дойти может!»

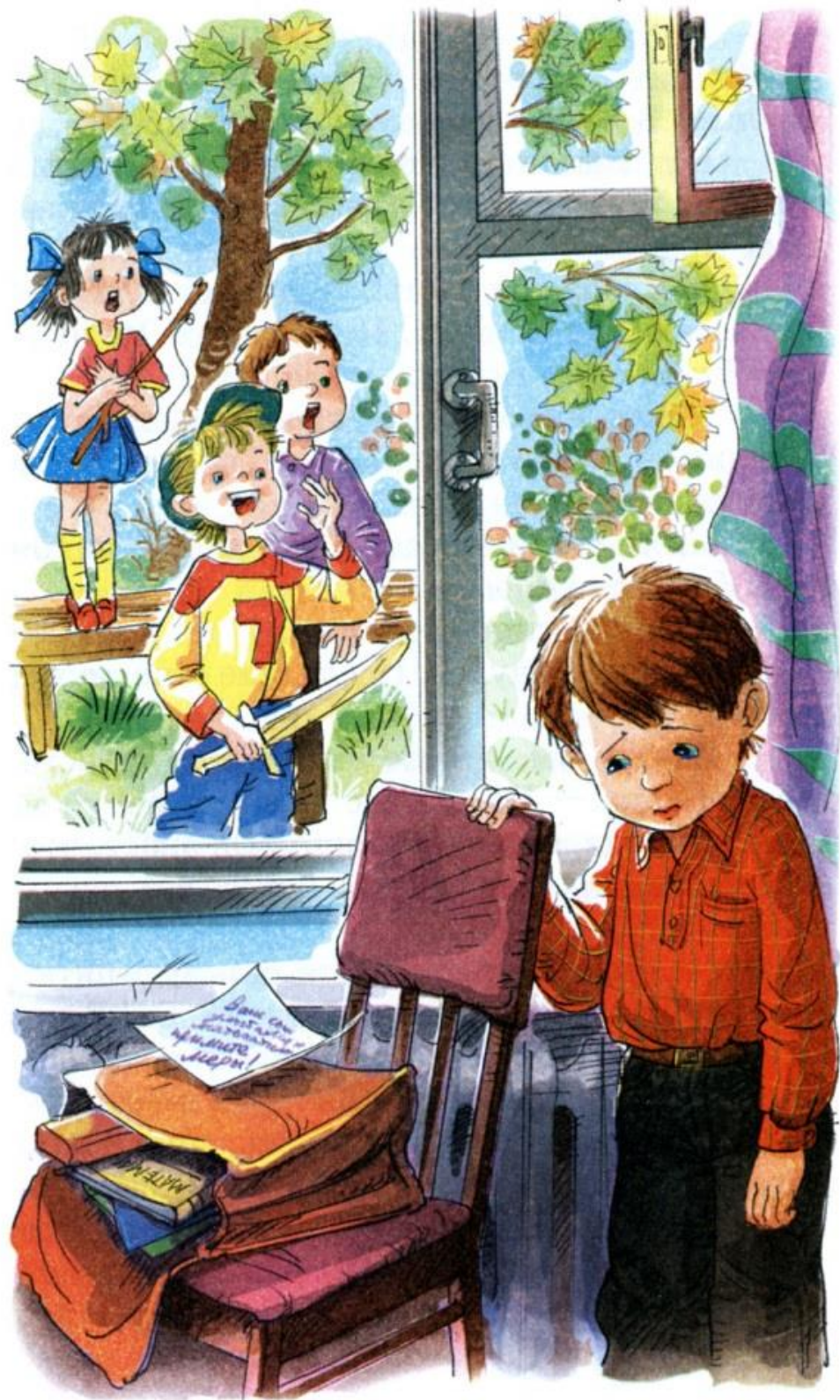
КРИЧИТЕ ГРОМЧЕ!

– А-лик!..

Тёплое сентябрьское солнце заливает комнату. Алик стоит у стены, за высокой спинкой кровати. А со двора несётся дружный крик:

– А-лик!

Алик опускает голову и понуро бредёт к дверям. На крыльце толпа ребятишек. Лицо Алика бледно и серьёзно.

– Я не выйду, – говорит он, – я наказан.

«Ваш сын улыбается на уроках математики... Примите меры!»

Вот и вся история. С такой запиской далеко не уедешь.

– И надолго тебя? – спрашивает Костя.

– Не знаю, – вздыхает Алик.

– Мне всегда говорят, на сколько наказывают, – продолжает Костя. – А мы вот тут в казаки-разбойники хотели играть...

– В казаки-разбойники? – Лицо у Алика вытягивается ещё больше. – Это как тогда?

– Как тогда...

Алик долго молчит, потом поднимает голову и говорит:

– Кричите... кричите громче!

Дома всё по-старому. Папа в кресле читает газету. Сгорбленный, стараясь не смотреть по сторонам, Алик пробирается за спинку кровати.

Здесь всё так знакомо... И выцветшие обои с причудливым рисунком, в котором, приглядевшись, можно увидеть смешные рожицы, и сломанная плитка жёлтого паркета... А со стены смотрит из рамы Алёнушка. Она сидит у воды, среди притихшего леса, и, когда глядишь из угла, у неё всегда особенное выражение. Очень грустное и доброе...

– А-лик!

Молодцы! Здорово кричат. Особенно Костя. Это настоящий друг. Кричат, зовут его... Они все с одного двора, и все хотят, чтобы он вышел. А папа – Алик искоса смотрит на кресло – не хочет... Ладно, пускай... Он, Алик, не будет просить...

– А-лик!

Кричите! Кричите громче! Пускай все слышат! Все!.. Только папа не слышит...

– Вот видишь, – говорит папа, не отрываясь от газеты, – все гуляют, а ты должен дома сидеть.

«Дома должен сидеть!.. – думает Алик. – Сам засадил, а теперь... Ну, ладно. Я не прошу. Читай свою газету...»

– А кто виноват? – продолжает папа, складывая газету пополам. – Ты же сам и виноват.

«Конечно, я виноват. Кто же ещё виноват? Я всегда виноват...»

– А-лик! А-лик! А-ли-ик!..

Кто-то захлебнулся. Последние отчаянные усилия.

– Скажи им, что не выйдешь, – строго говорит папа. – Целый час уже кричат!

Алик медленно идёт к окну. Он знает, что надежды на прощение нет, и всё же ему очень тяжело и горько сейчас.

Вот и окно открыто. А за окном ребята. Здесь и Костя, и Нюрка, и Петька... Эх! Если бы его выпустили! Он бы тоже играл в разбойников. И Нюрка кричала бы: «На помощь!» А они похитили бы её и мчались, мчались... Вот уже и ноги устали, и трудно дышать, но они всё равно бы мчались. Такой это был риск! И может быть, даже связали Нюрку...

Алик чуть не заплакал.

– Ребята... Я не выйду, ребята...

За окном молчание. Ребята не уходят. Тесно столпившись у клумбы, они словно ждут чего-то. Алик тоже не уходит. Его лицо в лучах заходящего солнца – лицо узника за решёткой...

– Не выйдешь? – спрашивает Костя. – Почему?

– Меня наказали.

– А ты попроси.

– Нет, – вздыхает Алик, – гуляйте без меня.

И снова долгое молчание. Тогда папа откладывает газету и тоже подходит к окну:

– Алик наказан и не выйдет сегодня.

– Дядя Коля, пустите его! – просит Костя.

– Дядя Коля! – подхватывает хор голосов.

– Простите! – тянет Костя. – Он больше не будет...

– Не будет! – дружно вторит хор.

– Нет, – говорит папа, – никуда он не пойдёт.

Костя жалобно смотрит на него и снова вытягивает шею:

– Дядя Коля, а дядя Коля!

– Ну, дядя Коля! – настойчиво взывает хор.

Только один Юрка молчит. Он живёт где-то на другой улице и пришёл издалека, чтобы поиграть в разбойников. Юрка не знает папы Алика и стесняется просить. Он, может быть, больше всех хочет поскорее начать игру, но молчит и лишь изредка нетерпеливо почёсывает одной ногой другую...

– Лучше и не просите, – говорит папа решительно. – Вот когда будет вести себя хорошо, тогда другое дело...

Ребята растеряны. Над широким подоконником виднеется печальное лицо Алика.

– Дядя Коля-а-а!!!

Все вздрагивают – так неожиданно врзается в тишину этот протяжный крик.

– Дядя Коля-а-а!!! – широко раскрыв рот, Юрка кричит хриплым, простуженным басом. Не в силах больше переносить томительного ожидания, он всё-таки решился на этот отчаянный поступок. Почувствовав всеобщее внимание, Юрка морщится и яростно чешет ногу.

Папа с трудом прячет улыбку. Но ребята сразу замечают её и тоже улыбаются...

– Ха-ха-ха! – смеётся Костя. – Вот это Юрка! Как паровоз!

Ребята улыбаются, то и дело поглядывая на дядю Колю, подмигивают, толкают друг друга. Алик смотрит то на ребят, то на папу и тоже начинает робко улыбаться – правда очень осторожно, чтобы папа не подумал, что и он тоже радуется.

Но лицо папы уже строго, глаза серьёзны, губы поджаты. И Костя с беспокойством вертит головой.

– Дядя Коля, – повторяет он, – вот это Юрка, да?

Но дядя Коля неумолим: он уже не отвечает, он протягивает руку, чтобы закрыть окно...

– Мы в разбойников будем играть! – взвизгивает Нюрка.

Маленькая, растрёпанная, она смотрит с изумлением и укором: «Теперь ты понял, наконец, что Алика надо выпустить?»

– Меня дома всегда жалеют, – говорит она, – всегда!

Папа молча хмурится.

– Дядя Коля, – спрашивает Костя, – разве вам не жалко?

У Алика, который до сих пор стойко держался, начинает дёргаться подбородок. Он отворачивается и медленно, не оглядываясь, отходит от окна.

Петька, Нюра, Костя, растерянные и притихшие, смотрят на папу Алика. Никто уже не просит. Потом все поворачиваются и гуськом, неторопливо и с достоинством, удаляются.

– В последний раз, – говорит папа, покашливая. – В последний... Иди! Но смотри, если ещё раз...

Алик быстро вытирает глаза, кивает головой: «Да, конечно, если ещё раз...» – и пулей вылетает во двор.

Папа с облегчением вздыхает.

ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЯ

На уроках истории учитель всегда объяснял так, словно вся его жизнь прошла до нашей эры, и теперь он вспоминает молодость...

– Охота на мамонтов была опасной... Потом всё изменилось... С севера наступал лёд... Стало холодно... Пришлось надеть звериную шкуру.

Одинаково легко передвигаясь в толще веков в любых направлениях, учитель как ни в чём не бывало мог сказать: «А теперь давайте вспомним Марафонскую битву!» – вызывая этим вопросом всеобщее беспокойство...

Или сегодня:

– Восстание Спартака! Отвечать пойдёт... Зонтиков!

Зонтиков медленно поднимается и застывает в глубокой печали.

– Неужели ты не помнишь, Зонтиков, как проходило восстание? – поражается учитель.

– Не помню, – качает головой Зонтиков.

– А ты помнишь, чем закончилось восстание?

– Нет, – вздыхает Зонтиков, – забыл...

– Ну, а что же ты помнишь?

– Ничего не помню...

– Садись – два!

– А ты учил? – спрашивает Зонтиков у своего соседа.

Бабкин молчит. Человеку, имеющему семь двоек за четверть, глупо задавать подобный вопрос. Мрачно накупившись, он лениво заглядывает в учебник – «Восстание Спартака».

«Опять восстание! – раздражённо думает он. – То в Риме, то в Сицилии... И каждый раз поражение... И двойки, двойки...»

– О причинах поражения восстания расскажет...

Перед лицом надвигающейся катастрофы Бабкин сохраняет полное спокойствие. Он не знает страха.

– Бабкин!

Весь в рубцах, ветеран Бабкин выходит к доске.

– Н-ну? – повторяет Павел Сергеевич. – Каковы же причины поражения? Как ты думаешь, Бабкин? Почему рабы потерпели поражение?

Бабкин долго и угрюмо молчит. Потом тяжело поднимает лохматую голову.

– Рабы потерпели поражение, – говорит он, – потому что не знали его причин...

После чего получает двойку и возвращается на родную, тёплую парту.

– Всё, с меня хватит, – зло шепчет он. – Больше я на историю не приду!

– Я тоже, – бормочет Зонтиков, – я тоже не приду!

Так было задумано восстание во главе с Бабкиным. Первое столкновение произошло на следующий день.

– Бабкин, – сказал директор школы после уроков, – ты знаешь, где живёт Павел Сергеевич? Вот и отлично! Отнеси ему этот конверт. Только побыстрей.

Всю дорогу Бабкин и Зонтиков шли молча. Перед дверью учителя Бабкин снял шапку и прижался ухом к заочной скважине. Сзади навалился Зонтиков... Внезапно дверь распахнулась, и упирающийся в неё Бабкин влетел в коридор и упал в объятия учителя. Позади слышался удаляющийся топот – это Зонтиков катился вниз по лестнице.

– Здравствуйте, – сказал Бабкин.

Здравствуй. – Павел Сергеевич закрыл дверь.

– Директор сказал: «Побыстрей!» – объяснил Бабкин. – Он письмо передал...

– Ах, вот оно что! – Учитель взял конверт. – Ну, спасибо... Проходи, что же ты стоишь?

Впервые за весь разговор Бабкин поднял голову. То, что он увидел, поразило его. Учитель был в рубашке, без пиджака.

– Раздевайся, раздевайся, – улыбался учитель.

Плохо соображая, что делает, Бабкин разделся и прошёл в комнату.

– Садись, раз в гости пришёл, будем чай пить.

Окончательно растерявшись, Бабкин уселся за стол и ничего не понимающим взглядом упёрся в колбасу.

Учитель отхлебнул из стакана. Бабкин тоже отхлебнул. И снова замер: никто ещё не видел, как учитель ест...

Внезапно он почувствовал, как подозрительно тихо в комнате, и выжидающе вскинул глаза. Ему показалось, что вот сейчас учитель поставит стакан и скажет: «Природа Древней Греции, Бабкин, была пышная – климат морской, тёплый...»

Но учитель не торопился.

– Ты почему сахар не берёшь? Не стесняйся.

– Мне и так сладко, – вздохнул Бабкин и вдруг, оглянувшись, заметил на стене карту: «Римская империя в первом веке нашей эры».

– Узнаёшь? – спросил учитель.

– Да, – уныло протянул Бабкин, – узнаю...

«После чая спрашивать будет, – решил он. – Ещё бы не узнать! Два месяца долбим эту империю, скорей бы до развала дойти...»

Нашествия варваров Бабкин ждал, как праздника: после него империя распалась...

Отхлебнув чай, он вздохнул: впереди ещё было «ослабление». Империя слабела веками... Это могло свести с ума.

Он снова подозрительно взглянул на учителя: «Размешает сейчас чай да и скажет: «А ну-ка, Бабкин, покажи путь Ксеркса в Грецию». С этим вопросом Бабкин столкнулся ещё в первой четверти. Тогда, по его мнению, флотилия персидского царя Ксеркса прошла мимо берегов Греции...

Да мало ли о чём можно спросить! Бабкин даже заёрзал на стуле.

– Карта у вас, Павел Сергеевич, какая-то... – начал он неуверенно. – У нас в школе вроде другая... Меня спросить, так я ничего и не покажу...

– Карта та же, – успокоил учитель. – Ты приглядишься повнимательней.

«Ну и влип!» – думал Бабкин, напряжённо приглядываясь. На узком Апеннинском полуострове ясно чернел кружок Рима.

– Вон Рим, Павел Сергеевич! – показал вдруг пальцем Бабкин, словно столкнулся с приятной неожиданностью.

– Да, – приветливо откликнулся Павел Сергеевич, – Рим отсюда хорошо виден. А вот Карфаген почти не заметен...

– Да, – промямлил Бабкин, бороздя глазами карту вдоль и поперёк. И вдруг торопливо поднялся со стула. – Я домой пойду, – хрипло сказал он. – Там у меня пример по математике, никак решить не могу – с ответом не сходится...

На следующий день перед самым звонком Зонтиков поймал Бабкина в коридоре.

– Наконец-то! – зашептал он, оглядываясь. – Сейчас история... Куда побежим?

Бабкин нахмурился:

– Знаешь что... Я передумал...

– Как передумал? – разинул рот Зонтиков.

– Передумал и всё!

– Но почему, почему?!

Прозвенел звонок, и они вошли в класс. Через минуту появился Павел Сергеевич. Он повесил карту «Римская империя в первом веке нашей эры», взглянул на Бабкина и

улыбнулся. Бабкин покраснел и, наклонившись к Зонтикову, тихо прошептал:

– Мы с ним вчера вместе колбасу ели...

ОЛЕГ ТИХОМИРОВ

ПЛАЧ ПЯТИКЛАССНИКА ЖЕНЬКИ ПРОЕГОРКИНА ПО БЕЗВРЕМЕННО УТЕРЯННОМУ ПОРТФЕЛЮ

О мой верный портфель, пятый с начала учебного года, отчего ты меня покинул?

Не я ли был твоим другом до того дня, пока ты куда-то подевался, как и первые четыре? Ты мне преданно служил дольше других – целый месяц! – и не знал никакой корысти, ибо ни разу я тебя не почистил, не протёр, не зашил твоих ран, полученных в битвах на школьном дворе.

Да, тебе не довелось носить учебники, так как они были потеряны портфелем первым ещё в сентябре, но ты до-

стойно нёс всякую иную службу, и прежде всего, как я уже упомянул, боевую. Ты был мне и щитом и мечом, ты мужественно принимал на себя удары других портфелей и разил головы и спины моих одноклассников. После того как мощным ударом ты сбил с ног Мишку Проскурякова, у тебя оторвалась ручка, но я тебя не бросил в беде, и ты по-прежнему продолжал мне верно служить.

Если б не ты, о мой портфель, я умер бы с голода. Разве не ты выручал меня на переменах домашними бутербродами, ибо сходить в столовую я не успевал: нужно было что-то списать у отличников и хотя бы одним глазом заглянуть в чужие учебники.

А как ты помогал в спорте! Благодаря тебе, я развил мускулатуру. Я закладывал в тебя кирпич и выжимал, как гирию. Иногда ты был штангой ворот. И сколько раз ты спасал их от неминуемого гола. Выступал ты и в метательных видах спорта – летел то как диск, то как ядро. Случалось, я съезжал на тебе с ледяной горки, как на санках. Ты помогал даже в хоккее. Когда меня удаляли с поля, я садился на тебя, как на скамью штрафников.

Я доверял тебе и свои сердечные тайны. Только ты знал о переписке с Веркой Ряшенцевой. Её записки я хранил у тебя на самом дне под оторванной с одного края подкладкой.

О дорогой мой пятый портфель! Я думаю, что ты был у меня последним, ибо дорог ты не только мне, но и родителям: они говорят, что денег на тебя не напасёшься. Хватит, говорят, тратиться на покупки портфеля с каждой полочки.

Как я буду жить и учиться без тебя, мой кормилец, моя отрада, моё оружие?!

Прощай, верный товарищ!

ПРО МУХУ И АФРИКАНСКИХ СЛОНОВ, ИЛИ ПРО ТО, КАК Я БЫЛ ХУЛИГАНОМ

Шёл урок географии. Самый обыкновенный урок. И вдруг Вовке на затылок села муха.

Ну села, так уж сиди себе спокойно, никому не мешай, а муха, как назло, принялась вертеть передними лапками свою голову. Повертит, потом перестанет, словно задумается, потом опять повертит.

В общем, вела она себя нагло. Мне даже обидно сделалось. Софья Андреевна про животный мир Африки рассказывает, а тут какая-то муха вертит и вертит себе башку.

Мне-то, конечно, было наплевать на эту муху. Я бы на неё и внимания не обратил, но Вовку было жаль: чего она на него села! А он, бедняга, даже не подозревает.

Тогда я не вытерпел – взял и махнул рукой. Вовка как раз в это время головой двинул. Ну, я ему и заехал слегка по затылку.

– Шныков! – сказала Софья Андреевна. – Что с тобой?

– Муха...

– При чём здесь муха?.. Я про слонов рассказываю...

Не узнаю тебя, Шныков.

На перемене ко мне подошёл Женька Проегоркин – его недавно выбрали председателем совета отряда. Женька сказал:

– Слушай, что это ты?

– Что? – спросил я.

– Дисциплину расшатываешь. – И, как Софья Андреевна, добавил: – Не узнаю тебя, Шныков.

– Ничего я не расшатываю вовсе! – рассердился я. – Это всё из-за мухи получилось.

– Из-за какой мухи?

– Обыкновенной... Которые летают.

– Ты мне басни не рассказывай, – тоже рассердился Женька. – За что Вовку ударил?

Пришлось мне обо всём рассказать подробно. Женька вздохнул.

– Всё равно, – сказал он, нужно тебя проработать.

– Зачем?

– Чтоб учился лучше. Двойки есть?

– Нету.

– А по дисциплине что? – с надеждой спросил Женька.

– Пятёрка, – ответил я.

Женька опять вздохнул.

– Эх, – сказал он сокрушённо, – какой случай пропадет!

– Какой? – спросил я.

– Завтра собрание... понимаешь?

– Ну и что?

– «Что, что!» – передразнил Женька. Непонятливый ты какой-то. О дисциплине бы поговорили, тебя бы пропесочили...

– Да зачем же?

Женька досадливо махнул рукой.

– Ну как тебе объяснить... С дисциплиной-то у нас что?

– Что?

– Сам знаешь... Безвыходное положение. У всех пятёрки.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Какое же безвыходное?

– Кому хорошо, а кому плохо. Отчёт-то мне делать придётся.

– Какой отчёт?

– О работе отряда. В плане, между прочим, и про дисциплину было. Только какая тут работа, если у всех по дисциплине пятёрки?.. Кого подтягивать?.. Вот ты мне скажи.

Женьке Проегоркину можно было лишь посочувствовать, и я неуверенно протянул:

– Да-а-а...

– Вот видишь, – оживился Женька. – А то бы было видно, что мы тебя перевоспитываем, над твоей сознательностью работаем. – И он вдруг попросил: – Шныков, будь другом, а?.. Ну что тебе стоит? Пропесочим мы тебя, поговорим... Всё равно ведь все знают, что ты не такой. Ведь нам для отчёта, а?

Я согласился. Раз для отчёта, для общей пользы, пусть, думаю, прорабатывают.

А на собрании Женька начал меня «песочить». Про муху он не сказал ни слова. Зато оказалось, что я стукнул несколько раз Вовку по уху и что Софья Андреевна даже не смогла закончить рассказ про африканских слонов. И ещё Женька сказал, что с таким возмутительным поступком мириться нельзя, а нужно бороться всем здоровым коллективом и поскорее смыть это позорное пятно.

После уроков он подошёл ко мне и сказал:

– Здорово я тебя?!

– Здорово, – признался я.

Мне это всё не очень-то, прямо скажу, нравилось, но что делать. Нужно было выручать коллектив.

Однако «позорное пятно» Женька не торопился смыть. Вскоре в стенной газете появилась на меня карикатура. К Вовкиному носу я поднёс кулак, а другой рукой вцепился ему в шевелюру. Кулак был огромный. На лице моём застыло зверское выражение. Из Вовкиного носа капала кровь.

Я разыскал Женьку.

– Послушай, – сказал я, – разве так можно? Нарисовал чёрт знает что...

– погоди, – не дал договорить мне Женька, – некогда тут пустяковой болтовнёй заниматься. Мне ещё выступление нужно готовить. Послезавтра слушай по радио на большой перемене...

Из передачи по школьному радио я узнал, что прямо на уроке географии я избил Вовку. Оказывается, меня, злого прогульщика и постоянного нарушителя дисциплины, дружно перевоспитывает весь класс.

После Женькиного выступления, которое называлось «Крепкую дисциплину – в каждый отряд», зазвучал вальс Штрауса «Голубой Дунай». Но это меня не успокоило.

Я бросился к радиоузлу. Женька вышел сияющий.

– Да как ты смеешь! – схватил я его за плечи.

Женька ничего не слышал. Он продолжал сиять.

Я бродил по коридору всю перемену и мрачно наблюдал, как от меня все шарахались в разные стороны.

Когда начался следующий урок, я обнаружил, что сижу за партой один. Маша Проскурякова не пожелала со мной сидеть.

– Я всё понимаю, конечно, – сказала она, – но ты посиди пока один. Ладно?..

Как-то раз к нам пришли гости – ребята из соседней школы. Женька Проегоркин знакомил их со всеми, про меня сказал:

– А это наш лодырь, драчун и двоечник, одним словом – хулиган...

– Кто? – удивились гости.

– Хулиган, – с хладнокровием дрессировщика ответил Женька. – Мы его перевоспитываем. Трудная, между прочим, и ответственная работа.

Я схватил с доски мел, подскочил к Женьке и в один миг нарисовал ему длинные белые усы.

– Ты что? – оторопело произнёс Женька.

– Я хулиган, – сказал я и дерзко улыбнулся.

– Брось эти шуточки. Не остроумно, – проговорил Женька и стал стирать усы.

Тогда я быстро подправил их и вlepил Женьке звонкий щелчок.

– Я хулиган.

Женька попятился.

– Я хулиган, – сказал я вновь и дёрнул его за нос.

Женька бросился бежать.

Я швырнул в него чернильницей и крикнул вдогонку:

– Я хулиган!

Больше меня... не перевоспитывали, не прорабатывали
и не «песочили».

Серия «Школьная библиотека»

ШКОЛЬНЫЕ «ПРИКОЛЫ»

Для младшего и среднего школьного возраста

Составитель

Юдаева Марина Владимировна

Художник

Соколов Геннадий Валентинович

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка Д.А.Володин

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Подписано в печать 27.11.2012.

Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.п.л. 7.

Гарнитура «Школьная».

Тираж 20000 экз. Заказ № 4507.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

- © С.Георгиев, текст.
- © В.В.Голявкин, наследники, текст.
- © М.В.Дружинина, текст.
- © Б.В.Заходер, наследники, текст.
- © Л.Д.Каминский, наследники текст.
- © О.Ф.Кургузов, наследники, текст.
- © С.В.Михалков, наследники, текст.
- © М.Н.Тарловский, текст.
- © О.Н.Тихомиров, текст.
- © А.А.Усачёв, текст.
- © Т.А.Щегляева, текст.
- © Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.
- © РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ISBN 978-5-9781-0477-6

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Теннадий Соколов

9 785978 104776 >